

ՀԱՅ ԺՈՂՈՎՐԴԱԿԱՆ ՀԵՔԻԱԹՆԵՐ

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СЕДЬМАЯ КНИГА"

Сборник
Армянские сказки

«Седьмая книга»

Сборник

Армянские сказки / Сборник — «Седьмая книга»,

Основой единства армянской культуры послужила историческая судьба страны. Армения, расположенная на скрещении путей между Востоком и Западом, была постоянным местом столкновений между великими империями древности и средневековья. Рим, Иран, Византия, арабы, сельджуки, монголы проходили через Армению, надолго, иногда на столетия, прерывая ее культурное развитие, покрывая землю дымящимися развалинами. Вопреки всем, противостоя каждому из мощных пришельцев, народ сохранял верность своей культуре. Наряду с языком, письменностью и верой, народное творчество было одним из столпов, опираясь на которые, можно было выстоять. В ваших руках – истории добра, любви и надежды. Послушайте старинные армянские сказки всей семьей, и вы почувствуете, как мир и покой снисходят на ваш кров.

Содержание

Анаит	6
Айцатур	24
Вишاپ	28
Сын львицы	32
Счастье бедняка	38
Красавица без рук	41
Красавица и охотник	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Армянские сказки

© 2012 г. Издательство «Седьмая книга». Перевод, составление и редакция.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Анаит

Эту историю любви и верности не смогут поведать даже камни...

От блистательной, утопающей в зелени столицы – Партава, сегодня не осталось ни следа, ни даже имени. Торговый город был стерт с лица земли, а на его месте построен другой – под названием Барда. Но это уже совсем другая история.

А пока Партав, недавно отстроенный царём Ваче, гордо возвышается над полноводным Тартаром, удивляя своими роскошными дворцами и башнями, устремленными в небеса. Соперничать с ними могут только исполинские чинары и тополями, за вершинами которых иногда не видны даже самые высокие постройки. На террасе одной из них ранним весенним утром и стоял единственный сын царя Ваче – молодой Вачаган, облокотившись на перила, он любовался рощей, которая как роскошная оправа окружала бриллиант Кавказа – блистательную столицу агванов. Прислушался царевич и показалось ему, что певчие птицы всего мира, словно стоворившись, слетелись в Партав, чтобы посостязаться друг с другом. Одни будто играли на свирели, другие на дудуке, но победу всегда одерживал один самый голосистый певец. Этим певцом был соловей – блбул, утешитель влюбленных сердец. Когда он начинал петь, тотчас же все птицы умолкали и вслушивались в его переливчатые трели, одни учились у него щебетать, другие раскатисто свистеть, а третьи выводить трели, и в этот миг все птичьи голоса сливались в одну неподражаемую мелодию.

Но не радовала она молодого царевича Вачагана. Сердечная тоска томила его, и пение птиц лишь усиливало ее. Неслышными шагами подошла его мать, царица Ашхен, и тихо спросила:

– Сынок, я вижу, на душе у тебя какая-то боль, но ты скрываешь ее от нас. Скажи мне, отчего ты грустишь?

– Ты права, мама, – ответил сын, – я разочаровался в жизни, почёт и роскошь больше не интересуют меня. Я решил удалиться от мирской суеты и посвятить себя Богу. Говорят, вардапет Месроп вернулся в селение Хацик и в построенном им монастыре основал братию. Я хочу пойти к нему. Мама, ты даже не представляешь, какое это прекрасное место – Хацик. Там юноши и даже девушки так остроумны и так красивы! Когда ты их увидишь, ты поймешь почему я всем сердцем там.

– Значит, ты спешишь в Хацик, чтобы поскорее видеть свою остроумную Анаит?

– Мама, но откуда ты знаешь ее имя?

– Соловьи нашего сада пропели мне его. Но вот только почему, мой дорогой Вачик, стал забывать, что он – царский сын? А сын царя должен жениться на дочери царя или хотя бы великого князя, но уж никак не на простой крестьянке. Посмотри вокруг, у грузинского царя подрастают три дочери-красавицы, можешь выбрать любую из них. У гугаркского бдешха тоже видная и достойная дочь. Она единственная наследница всех его богатых поместий. У Сюникского царя тоже дочь на выданье. Наконец, чем тебе не невеста Варсеник, дочь нашего азарапета? Она выросла на наших глазах, воспитана в нашей семье...

– Мама, я уже сказал, что хочу уйти в монастырь. Но если вы настаиваете, чтобы я непременно женился, то знайте – я женюсь только на Анаит... – сказал Вачаган и, густо покраснев, поспешно вышел в сад, чтобы скрыть своё смущение от матери.

Вачагану недавно исполнилось двадцать, он вытянулся, подобно тополям, что росли в царской роще, но был изнеженным, бледным и даже болезненным юношей. И вот теперь единственный наследник повелителя агванов царя хотел принять не царский трон, а духовный сан и стать проповедником. Это пугало его отца.

– Вачаган, сын мой, – много раз твердил ему отец, – ты – моя единственная надежда и опора. Ты должен сохранить огонь нашего очага, продолжить наш род, а значит жениться.

Царевич слушал отца молча, потупив взор, и только краснел в ответ, он и думать не хотел о свадьбе. Но отец был настойчив и несколько раз в неделю настойчиво возвращался к этому разговору. Юноша стал избегать тягостных встреч, чтобы не видеть отца, он часами просиживал за книгами и даже уезжал на охоту, которую никогда не любил, лишь бы не слышать отцовских наставлений. На рассвете он уходил из дворца, бродил по окрестностям, и только поздно вечером возвращался домой. Иногда он скитался по три-четыре дня, доводя до отчаянья своих родителей. Со сверстниками он не дружил, и брал с собой лишь своего преданного, храброго слугу Вагинака и верного пса Занги. Те, кто встречали их на горных тропах, не догадывались, что перед ними сын царя и его слуга, оба были в простой охотничьей одежде, с одинаковыми колчанами стрел и широкими кинжалами, и лишь котомку с припасами нес широкоплечий и крепкий Вагинак. Они часто заходили в горные селения, и Вачаган с интересом наблюдал, как живут простые люди, проникался их мирскими заботами и нуждами, и всегда замечал, кто делает добро, а кто чинит беззаконие. А потом неожиданно для всех судьи-взяточники отстранялись от дел, а на их места назначались новые, честные; воры несли заслуженное наказание и оказывались в тюрьмах, а семьи бедняков вдруг получали помощь от царя, хотя о ней не просили. Словно какая-то неведомая сила видела все и творила добро. И народ стал верить, что их мудрый царь Ваче, подобно богу, знает все: и что кому нужно, и кто достоин кары, а кто – награды. Говорят, в царстве агванов тогда не стало воровства и несправедливости, но никто и не догадывался, что во многом благодаря юному царевичу.

Странствия пошли и ему на пользу. Он стал здоровее и крепче, словно набрался силы от родной земли и всё чаще стал задумываться о своём предназначении, которое было предначертано ему свыше. Вачаган стал понимать, как много может сделать для своего народа и уже не думал об уходе в монастырь. Родители, стали замечать, как возмужал, повзрослел их сын, и понимали, что вот-вот в его сердце вспыхнет пламя любви, для этого нужен был лишь повод, который вскоре и представился.

Как-то во время охоты Вачаган и Вагинак пришли к далёкому, затерянному в горах селению, и, усталые, сели отдохнуть у родника. Был жаркий полдень и к источнику то и дело подходили крестьянские девушки, они поочередно наполняли свои кувшины и крынки, царевичу нестерпимо хотелось пить. Он попросил воды, и одна из девушек наполнила кувшин и протянула его Вачагану, но другая вырвала кувшин из ее рук и вылила воду. Она снова наполнила кувшин и другая снова опорожнила его. У Вачагана во рту пересохло, он с нетерпением ждал, когда же ему дадут напиться. Но девушку это будто и не волновало, она словно затеяла странную игру: наполняла кувшин и тут же выливала воду. И лишь набрав кувшин в шестой раз, подала его незнакомцу.

Напившись и протянув кувшин слуге, царевич заговорил с этой девушкой и спросил, почему она не подала ему воду сразу, быть может, ей захотелось подшутить над ним, рассердить его. Но та ответила:

– Я не хотела подшутить над вами и уже тем более разозлить. У нас не принято обижать путников, особенно когда они просят воды. Но я увидела, что вы устали от жары и так покраснелись на палящем солнце, что решила, холодная вода может вам повредить, поэтому я медлила, чтобы вы немного отдохнули и остыли.

Умный ответ девушки удивил Вачагана, но ее красота поразила еще больше. Ее большие и темные глаза казались бездонными, брови, губы и нос, как будто были выведены тонкой кистью искусного художника, а сверкающие на солнце тяжёлые косы струились по спине. Она была одета в длинное до пят красное шелковое платье, расшитая безрукавка обхватывала тонкую талию и высокую грудь. Перводанная красота незнакомки поразила и заморозила царевича, она стояла перед ним босая, без лент и украшений, и он не мог отвести от нее глаз.

– Как тебя зовут? – спросил царевич.

– Анаит, – ответила девушка.

- А кто твой отец?
- Мой отец пастух нашего села – Араи. Но почему ты спрашиваешь, как меня зовут и кто мой отец?
- Просто так. Разве спрашивать грешно?
- Если спрашивать не грешно, то и я прошу сказать, кто ты такой и откуда ты?
- Сказать правду или солгать?
- То, что считаешь достойным себя.
- Конечно, достойным я считаю правду, а правда такова, – слукавил царевич, – я сейчас не могу сказать тебе, кто я, но обещаю, что дам о себе знать через несколько дней.
- Очень хорошо, верни мне кувшин. Если хочешь, я принесу еще воды.
- Нет, благодарю, ты нам дала хороший совет, его мы будем помнить всегда, да и тебя не забудем.
- Когда охотники отправились в обратный путь, Вачаган спросил своего верного слугу:
 - Скажи, Вагинак, встречал ли когда-нибудь девушку такой красоты?
 - Я как-то не заметил ее особой красоты, – ответил слуга, – я ясно понял лишь одно, что она дочь сельского пастуха.
 - Ты не заметил, но услышал. Это потому, что слух у тебя острее, чем зрение, но все же твои уши плохо слышат.
 - Нет, не плохо, девушка сама сказала, что ее отец пастух.
 - Ну и что? Я считаю, что это никак не умалило ее удивительной красоты, и даже придало ей достоинства.
 - Если так, то, когда станешь царем, обязательно учреди пастуший орден, и отмечай им своих лучших князей.
 - Это настолько высокая награда, мой Вагинак, что ее не достоин ни один из наших князей. Этот орден могут носить только цари и патриархи. Разве ты не знаешь, что посох, врученный царям и патриархам, – символ пастырства?
 - Символ пастыря, но не пастуха.
 - Но чем отличается пастух от пастыря? Пастух ведёт разных животных, нуждающихся в нём: овец, коз, коров, буйволов, мулов, ослов и даже верблюдов. А царь тот же пастух, потому что его паства состоит из разных людей. Разве тебе не известно, что господь больше всего любил пастухов? Кем были Авраам, Моисей, Давид, разве не пастухами? По-моему, пастухами были все праведные люди мира, от Авеля и до того скромного пастухом, у которого родилась такая красивая и умная дочь.
 - С тобой невозможно спорить, царевич, если спор наш продолжится еще немного, то ты начнешь читать мне проповеди вардапета Месропа. Хорошо, пусть дочь пастуха будет красива, говорят же «та, что радует глаз, не может быть некрасивой». Но, по-моему, если бы эта девушка была дочерью землепашца, ты бы не вспомнил, что Каин тоже был землепашцем, а сказал бы что-то вроде: «Землепашцами были все хорошие люди от Адама и до того землепашца, у которого родилась такая красивая и умная дочь».
 - Вагинак, оставь на минуту свои остроты и скажи мне правду: кто красивее – Анаит или дочь нашего азарапета Варсеник? – спросил царевич.
 - Я считаю, что, как княжна, красива дочь азарапета, а как дочь пастуха – эта крестьянка. Одна не может заменить другую.
 - А которая умнее – Анаит или Варсеник?
 - Я не испытывал ум ни одной из них, но, думаю, что Варсеник очень хорошо знает, что вода нашего Тартара никому еще не вредила и, попроси ты у нее воды, не стала бы подобно твоей Анаит ломаться, когда у тебя во рту пересохло.
 - Вагинак...
 - Приказывай, мой царевич.

– Вагинак, ты меня не любишь...

– Я понимаю тебя. Я увидел, что ресницы этой волшебницы Анаит подобно стрелам вонзились в твое сердце, и сожалею, что эта рана может стать неизлечимой...

Царевич умолк, и Вагинак тоже больше не проронил ни слова, лишь Занги прыгал веселее, чем обычно обычного, словно почуял скорую добычу.

Через несколько дней после этого случая царь, обеспокоенный беспричинной тоской царевича, вызвал к себе его слугу.

– Вагинак, – начал царь разговор издалека, – я помню тебя еще ребёнком, когда ты пришел в наш дом, я вырастил тебя как родного сына. Сейчас ты сам имеешь сына и знаешь, что такое отцовская любовь. Наш Вачаган считает тебя своим страшим братом и лишь одному тебе доверяет свои сердечные тайны. Ты должен узнать, что у него на уме, и сообщить нам, чтобы мы смогли сделать все, что в наших силах.

– Царь, отец наш, – ответил Вагинак, – Вачаган настолько скрытен, что даже мне не открывает своего сердца, но в последние дни я замечаю в нем большую перемену. Я думаю, что он влюблен в девушку по имени Анаит.

– Кто такая эта Анаит?

– Дочь пастуха из села Хацик.

– Пастуха?

– Да.

– Эта Анаит, должно быть, богиня, если смогла околдовать нашего Вачагана и смягчить его каменное сердце.

– Царь, отец наш, я стараюсь открыть ему на глаза на его избранницу, то и дело подшучиваю и над самим Вачаганом по этому поводу, но, похоже, мои усилия напрасны и, думаю, ни к чему они не приведут. По правде сказать, эта девушка поистине богиня, красота ее непередаваема, а житейская мудрость достойна похвал. Рассказывают, что даже старейшины ее села во всех затруднительных случаях обращаются за советом к ней. Ни один юноша не обладает ее храбростью, ни у одной девушки нет таких умелых рук, как у нее. В селении её зовут «царица лесов». Если от стада ее отца отбивается овца, Анаит седлает коня, мчится по горам и долам, находит её и пригоняет назад. Всё это я узнал втайне от Вачагана и ничего ему не говорил, чтобы не распалить еще больше его сердце, но я вижу, что он от неё он так просто не откажется. Я надеюсь, что, если он не откроется вам, то, может быть, от матери-царицы скрывать ничего не станет.

– Если так, то я расскажу обо всем царице. Спасибо, что ты предупредил меня.

Вагинак поступил мудро, заранее подготовив царя к выбору его сына. Сам он считал, что Анаит не стоит таких похвал, но он преувеличил её достоинства в глазах царя намеренно. И вот почему. Слуга понял, что царевич вряд ли откажется от дочери пастуха, поэтому уступить придётся его родителям. Так пусть они не сомневаются в том, что их сын выбрал достойную невесту. Тогда отец согласится на неравный брак, а значит царевич быстрее женится на своей избраннице. После этого откровенного разговора царица-мать и узнала истинную причину грусти своего сына.

Об окончательном решении Вачагана жениться только на Анаит царица в тот же день сообщила царю. Эта весть тут же распространилась по всему дворцу, об этом судачили все слуги и служанки, а на другой день бурлила уже вся столица. Крестьяне радовались, что царица будет из простых, и лучше поймёт их нужды, князья досадовали, что сын царя ставит пастуха выше них, а купцы только посмеивались, мол, царевич, видно, сошел с ума, если вместо того, чтобы жениться на богатой невесте с большим приданым, выбрал бедную девушку. Немало было остряков, которые выдумывали по этому поводу всевозможные байки и рассказывали их повсюду.

Вот что они говорили:

– Бабик, говорят, сын нашего цари сватает дочь пастуха, ты слышал?..

– Это не так, дорогой Саак, ты слышал не все. Этот пастух в действительности не пастух, а царь, но так как он царствует над скотиной, то его называют пастухом. Сват нашего царя очень мудрый человек, он понимает язык всех животных, прям, как мудрый Соломон.

– Что ты говоришь?.. Неужели у скотины тоже есть царь?

– Почему ты удивляешься? Разве ты не слышал, ведь говорят же: царь саранчи, царь змей, царь муравьев, царица пчел. И люди имели царей еще в то время, когда они были не умнее животных.

– Я это знаю, но никогда не слышал, что животные тоже имеют царей. И потом, скажем, царь змей – змея, но неужели царь скотины – человек?

– Но если бы он не был человеком, как он мог иметь дочь, и на ком бы тогда женился сын нашего царя? Значит, он всё-таки человек, раз имеет дочь, и знаешь какую дочь? Очень красивую и очень мудрую. Говорят, эта девушка не торопится выходить замуж и еще неизвестно, пойдет она за нашего царевича, или нет.

– Что ты говоришь?!

– А что ты думал...

Царь и царица попытались отговорить сына от женитьбы на дочери пастуха, но так и не смогли, и однажды вечером дали согласие на этот брак. Самого царя не смущало, что он может породниться с пастухом, он не был спесивым и надменным правителем, его даже порадовало, что сын ко всем подданным относится одинаково, не ставя одно сословие выше другого. Он опасался лишь одного, чтобы не настроить против себя высокородных князей. А когда царь узнал, какое уважение и любовь снискала у крестьян Анаит, он сам стал уговаривать царицу дать свое согласие на этот брак...

На следующее утро родители сообщили царевичу о своем решении, и в тот же день его верный слуга с двумя почтенными князьями и щедрыми дарами отправился в Хацик сватать Анаит.

Когда они вошли в дом пастуха Арана, хозяин радушно приветствовал их. Анаит дома не было. Гости расселись в просторной комнате на новом ковре, разостланном Араном, и сам он сел рядом с ними.

Этот ковер сразу привлек внимание гостей своими редкими узорами, яркими красками и тонкой работой.

– Какой прекрасный ковер, – похвалил Вагинак. – Его, наверное, соткала хозяйка дома.

– Нет, – ответил пастух, – моя жена умерла пять лет назад. Этот ковер выткала наша Анаит. Но ей он не нравится, говорит, получилось не то, что хотела. Начала ткать новый, вон он на станке покрыт холстом.

– Даже во дворце нашего царя нет такого ковра, – сказал один из князей и, обратившись к Арану, добавил: – Мы рады, что твоя дочь такая мастерица, слава о ней дошла до нашего царя. И вот он послал нас к тебе сосватать Анаит. Царь желает, чтобы ты отдал свою дочь за его единственного сына Вачагана – наследника престола.

Сказав это, князь ожидал, что Аран либо не поверит ему, либо не сможет скрыть своей радости. Но Аран не сделал ни того, ни другого, а опустил голову и в задумчивости стал водить пальцем по узору на ковре. Из раздумья его вывел Вагинак.

– Почему ты загрустил, Аран? Мы принесли тебе радостную весть... Насильно твою дочь никто во дворец не увезет. Всё зависит только от тебя: захочешь – отдашь дочь, не захочешь – не отдашь. Нам только нужно, чтобы ты сейчас сказал прямо: согласен ты или нет.

– Мои почтенные гости, – вздохнул Аран. – Я так благодарен, что наш владыка хочет взять украшение для своего роскошного дворца из бедной хижины своего слуги. Может быть,

такого ковра, и нет во дворце, но что касается дочери... Не мне решать отдать ее замуж или нет. Вот придет она, вы спросите у нее: если она согласится, мне нечего будет добавить.

Как раз во время этого разговора в дом вошла Анаит с корзиной, полной винограда, персиков, груш и яблок. Она учтиво поклонилась гостям, о приходе которых ей уже рассказали соседи, переложив фрукты на медный поднос, и подала на стол. Сама же подошла к станку, откинула холст и стала ткать начатый ковер. Князья смотрели, как работает Анаит, и были изумлены ловкостью ее быстрых пальцев.

– Анаит, почему ты ткешь одна? – спросил Вагинак. – Я слышал, у тебя много девушек-учениц.

– Да, у меня двадцать помощниц, – ответила Анаит, – но сейчас время сбора урожая, я отпустила их. Но будь они здесь, я бы не дала им ткать этот ковер. Его должна соткать я одна.

– Слышал, что ты обучаешь своих учениц чтению...

– Да, обучаю. Сейчас каждый человек должен уметь читать. На днях снова приезжал старец Месрон и строго наказал, чтобы все научились грамоте, сами могли читать и понимать евангелие. Теперь даже наши пастухи умеют читать, обучают друг друга, когда пасут скот. Если сейчас пройти по нашим лесам, то можно увидеть, как исписана кора на вековых деревьях. Третьего дня на одном стволе я прочла сразу десять стихов из псалмов. Посмотрите, все стены крепостей, все скалы исписаны углем. Один пишет несколько строк из евангелия, а другие продолжают. Вот так наши горы и ущелья наполнились молитвой.

– У нас в столице люди ленивы, не спешат учиться грамоте, но я надеюсь, что когда мы увезем тебя туда, то ты наших ленивцев сделаешь усердными и трудолюбивыми. Оставь на минуту свою работу, Анаит, подойди, нам надо с тобой поговорить. Вот, посмотри, что тебе прислал наш царь, – сказал Вагинак, развернул перед ней сверток и достал из него золотые украшения и шелковые наряды.

Анаит как будто и не удивилась такому подарку и скромно спросила:

– Скажите, а почему царь оказал мне такую честь?

– Сын нашего царя, Вачаган, видел тебя у родника, ты дала ему напиться, и он обратил внимание на тебя. Теперь царь послал нас, чтобы мы сосватали тебя за его сына. Вот это кольцо, это ожерелье, этот браслет – все для тебя.

– Значит, тот охотник был царевичем? – удивилась Анаит.

– Да.

– Он, видно, славный юноша, но знает ли он какое-либо ремесло?

– Он сын царя, Анаит, зачем ему ремесло? Он повелитель всей страны, все жители ее – его слуги.

– Да, это так. Но кто знает, что может случиться в жизни. Хозяин сегодня, завтра может превратиться в слугу, даже если он и был царем. Ремесло должен знать каждый человек, будь то слуга или хозяин, князь или даже царь.

Услышав эти слова, князья переглянулись между собой, посмотрели на Арана и заметили, что он одобряет слова дочери.

– Значит, ты не выйдешь замуж за сына царя только потому, что он не знает ремесла? – обратились князья к Анаит.

– Да, – спокойно ответила она, – и все то, что вы принесли мне, возьмите обратно и скажите царевичу, что он мне очень понравился, но пусть он простит меня – я дала обет, что выйду замуж только за человека, который владеет ремеслом. Если он хочет, чтобы я стала его женой, пусть сначала обучится какому-либо ремеслу.

Поняли сваты, что не смогут переубедить Анаит и не стали настаивать. Эту ночь они провели в доме пастуха. Его дочь гостеприимно приняла их и даже рассказала легенду об одном царе, который владел многими ремеслами, обучил им своих подданных, чем привёл своему страну к процветанию. Согласились князья, что слова Анаит разумны, и в душе устыдились,

что сами не умеют ничего. Лишь Вагинак с гордостью сказал, что хорошо знает ювелирное дело, обучился которому при дворе. На следующее утро сваты уехали в столицу и обо всём рассказали царю. Узнав об ответе Анаит, царь и царица вздохнули с облегчением, решив, что Вачаган теперь точно откажется от этой невесты. Но царевич снова удивил их:

– Анаит права, каждый человек должен владеть хоть одним ремеслом. А царь – он тоже человек, и, значит, тоже должен что-то уметь.

– Значит, ты теперь будешь осваивать ремесло? – изумилась царица.

– Да, – ответил царевич.

– Но признайся сам себе, сынок, – спросил отец, – ты решил учиться ремеслу, потому что осознал необходимость в этом или только ради Анаит?

– И то и другое... – ответил Вачаган, краснея, и торопливо вышел, чтобы родители не заметили его смущения.

Тогда царь созвал на совет своих князей, чтобы обсудить, какому ремеслу обучить своего сына. Они сошлись на том, что достойное царевича занятие – ткать парчу, ее не умеют делать в их стране, привозят издалека и продают очень дорого. В тот же день из Партава в Персию отправили послов, которые вскоре доставили во дворец опытного мастера. Год он учил царевича своему ремеслу. И Вачаган так искусно научился ткать, что из тонких золотых нитей соткал для Анаит отрез тончайшей парчи и через Вагинака послал ей в подарок.

Получив этот дар, девушка сказала:

– Сейчас мне уже нечего сказать: «Нужда заставит – и ткачом станешь». Передайте царевичу, что я согласна выйти за него замуж, и в подарок от меня отвезите ему этот новый ковер.

Семь дней, семь ночей длилась свадьба Вачагана и Анаит и отмечали ее по всей стране в каждом доме. Радость простых людей не знала границ. Во-первых, они очень любили царя и его сына, во-вторых, гордились своей Анаит и рассчитывали на ее заступничество, в-третьих, в день свадьбы царь приказал на три года освободить крестьян от всех налогов. Поэтому простые люди после этой свадьбы еще долго напевали:

Как на свадьбе Анаит
солнце золотом горит,
как на свадьбе Анаит
ливень золото струит.
Раззолочены поля
и амбары до краев,
мы избавились от бед,
от налогов и долгов.

Мать-царица, благодарствуй, златорукая, да здравствуй!

Вот только верного слуги Вагинака не было на пышной свадьбе царевича. Накануне царь послал его с поручением в соседний город Перож, и с тех пор Вагинака никто не видел. Его долго разыскивали, расспрашивали всех, но тот, словно в воду канул. Стражники, безуспешно искавшие царского слугу, привезли во дворец другую тревожную весть, оказалось, что пропавших людей много и никому не известно, как и куда они исчезают. Сначала царь решил, что Вагинака похитили работоторговцы и продали диким племенам, живущим в кавказских горах. Верные слуги объехали все города и сёла, но так ничего и не узнали о Вагинаке. Еще больше огорчился царь. Он горевал, не только потому, что любил его как сына, но и от того, что не мог защитить своих подданных, которые исчезали в никуда.

Вскоре царь умер, а вслед за ним умерла и его жена. Сорок дней в трауре была вся страна агванов, а через сорок дней собрались все горожане и возвели на престол Вачагана.

Взойдя на престол своих предков, Вачаган решил так благоустроить страну, чтобы не было ни одного недовольного человека, чтобы все были счастливы и довольны. Ближайшим советником ему стала жена – Анаит. Он всегда сначала советовался с ней, а потом приглашал во дворец мудрых людей из народа и сообщал им о своих намерениях. Но Анаит считала, что и этого недостаточно, и однажды сказала ему:

– Государь мой, я вижу, что ты знаешь не всё, что происходит в твоей стране, а приглашаемые тобою люди не всегда говорят правду. Чтобы успокоить тебя, они твердят, что все хорошо, все в порядке, что жители страны всем довольны. Но кто на самом деле знает, что в этот миг происходит в твоих владениях? Только ты сам можешь понять истину, поэтому иногда ты должен под видом простого человека обходить свои владения: то в обличе нищего просить милостыню, то стать батраком, а заняться торговлей. Словом, ты должен все испытать, чтобы лучше узнать жизнь и людей. Бог за все потребует у тебя отчета, ведь ты его наместник в своей стране, и должен все видеть и все знать.

– Ты совершенно права, Анаит, – сказал царь, – мой покойный отец так и делал, но в старости это стало ему не по силам. Во время охоты я поступал почти так же. Но как мне поступить сейчас? Если я уйду, кто будет править страной?

– Я буду править сама и сделаю так, что никто не узнает о твоём отсутствии.

– Очень хорошо. Я могу отправиться в путь завтра же. И если через двадцать дней я не вернусь, знай, что я попал в беду или меня уже нет в живых.

На следующее утро, переодевшись простым крестьянином, царь Вачаган отправился в самые отдаленные уголки своей страны. Много он повидал, много услышал, но то, что он узнал, приехав в город Перож, где когда-то пропал его друг Вагинак, едва не стоило ему жизни.

Город Перож когда-то стоял на берегу реки Куры. Жили в нем в основном персы, которые поклонялись огненному богу. Нашли приют в Пероже и несколько семей армян-христиан. Но не было у них ни своей церкви, ни священника. Пришёл царь Вачаган на его центральную площадь, где в этот час в самом разгаре была торговля, и стал наблюдать за купцами и ремесленниками, продавцами и покупателями. Вдруг увидел молодой царь: идёт по рыночной площади почтенный седобородый старец с поднятыми руками, а вокруг него суетятся слуги. Старик ступал осторожно, а люди расчищали перед ним путь и подкладывали кирпич под ногу, перед каждым его шагом. Подошел Вачаган к одному человеку и спросил, кто этот старец, тот ответил:

– Это наш верховный жрец. Неужели ты его не знаешь? Посмотри, он так свят, что даже не ступает на землю, чтобы случайно не раздавить насекомое.

В конце рынка для почтенного старца расстелили ковер, и он сел на него отдохнуть. Вачаган подошел и встал напротив, чтобы видеть, что будет делать или говорить этот уважаемый здесь человек. У жреца был не по годам острый глаз, он едва взглянул на Вачагана, как сразу догадался, что тот пришлый человек и поманил его к себе. Вачаган подошел.

– Кто ты такой, чем занимаешься? – спросил жрец.

– Я из чужих краев, ремесленник, – ответил Вачаган, – пришел в этот город на заработки.

– Пойдешь со мной – я дам тебе работу и хорошо заплачу.

Вачаган поклоном головы выразил согласие и встал среди сопровождавших старца людей. А тот шепнул что-то своим жрецам, и они разошлись в разные стороны, а вскоре вернулись с носильщиками, навьюченными разной кладью.

Когда все собрались, верховный жрец поднялся и с той же торжественностью направился к своему жилищу. Вачаган молча последовал за ним, сгорая от любопытства. Не мешало бы ему сначала узнать, чем занимаются эти жрецы и кто на самом деле их верховный жрец, какие он совершил благодеяния и почему его почитают как святого, но царь доверился голосу своего сердца. Так дошли они до городской окраины.

Здесь верховный жрец, благословив провожающих его ревностных идолопоклонников, попрощался с ними и дальше пошёл в сопровождении своих приближенных, слуг и Вачагана. Когда город остался далеко позади, все остановились перед домом за высокой оградой. Старик достал огромный ключ, отпер железную дверь и, пропустив всех перед собой, снова запер ее. Тут только Вачаган понял, что не сможет выйти отсюда, даже если захочет. Носильщики тоже озирались по сторонам, как будто были здесь впервые. Они переглянулись и начали перешептываться, не понимая, куда их привели. Наконец, все миновали сводчатый проход и оказались на просторной площади, в центре которой стоял жертвенное капище, увенчанное куполом и окруженное маленькими кельями. Жрец приказал носильщикам оставить кладь здесь, а потом всех вместе с Вачаганом повел за капище, там он отпер еще одну железную дверь и сказал:

– Входите, здесь вам дадут работу.

Растерянные, все молча вошли внутрь, и жрец снова запер за ними дверь. Тут все пришли в себя и поняли, что стоят перед входом в глубокое подземелье.

– Братья, не знаете, куда это мы пришли? – спросил Вачаган.

– Похоже, что мы попали в ловушку, и уже отсюда не выберемся, – сказал один из них.

– Но ведь этот старец святой человек, неужели он способен на такое? – удивился другой.

– А почему бы нет? Наверное, этот святой человек знает, что мы в чем-то виновны, поэтому привел и бросил нас в это чистилище, чтобы мы здесь искупили свои грехи.

– Не время шутить, я думаю, что этот жестокий старик – страшный дэв, скрывающийся под личиной праведника, и теперь мы стоим на дороге в ад, – догадался Вачаган. – Посмотрите, какой здесь мрак, и кто знает, какие еще муки уготованы нам внизу. Но почему мы стоим, как каменные? Эта дверь никогда уже не откроется, поэтому пойдем вперед и узнаем, куда ведет эта дорога.

Долго они брели по темному коридору, пока, наконец, вдали замерцал слабый свет лампы. Они пошли на свет, и перед ними открылась широкая, выложенная камнем площадь. Отовсюду раздавались ужасающие крики. Взглянув вверх, они поняли, что находятся в искусственной пещере. Похожая на гигантское хранилище для зерна, она была выдолблена в скале, и расширялась к низу, заканчиваясь просторным куполообразным залом.

Потрясенные пленники оглядывали эту темницу и напряженно вслушивались, пытаясь понять, откуда раздавались эти пугающие вопли. И вдруг перед ними появилась какая-то тень, которая, медленно приближаясь и, наконец, обрела четкие очертания.

Вачаган пошел навстречу этой тени и громко спросил:

– Кто ты, сатана или человек? Подойди к нам ближе и скажи, где мы находимся.

Призрак приблизился и, весь, дрожа, стал перед Вачаганом. У него были впалые глаза, провалившиеся щеки, выпавшие волосы. Это был настоящий скелет, все кости которого можно было пересчитать. Живой труп, едва шевеля губами, всхлиывая и заикаясь, произнес:

– Идите за мной, я вам покажу, куда вы попали. Он повел их по узкому проходу в помещение, где они увидели валявшихся на холодной земле обнаженных людей. Люди эти умирали, исторгая душераздирающие вопли и стоны. Вачаган и его спутники пошли дальше и увидели огромные котлы, в которых несколько истощенных людей варили еду. Вачаган подошел к этим котлам, чтобы посмотреть, что в них варится, и в ужасе отпрянул, не сказав своим товарищам, что же он там увидел. Затем они пришли в просторный зал, где при тусклом свете работали сотни мертвенно-бледных людей. Одни вышивали, другие вязали или шили, некоторые делали золотые украшения.

Затем человек-призрак привел их обратно в пещеру и сказал:

– Тот дьявол-старик, который обманул вас и завел сюда, когда-то так же поступил и с нами. Я уже потерял счет времени и не знаю, сколько здесь нахожусь, потому тут нет ни дней, ни ночей, только бесконечный мрак. Знаю одно, все люди, попавшие сюда до меня и вместе со мной, уже погибли. Сюда пригоняют разных людей, знающих ремесло и не знающих его.

Ремесленников заставляют работать до самой смерти, а тех, кто не знает никакого ремесла, сгоняют на бойню, а оттуда на ту кухню, которую вы видели. Вот какое это ужасное место. Старый дьявол не одинок, у него сотни помощников – все они жрецы. Их жилище находится над этим адом.

– Скажи, что они теперь сделают с нами? – спросил Вачаган.

– То же, что и с другими. Кто из вас знает ремесло, будет работать до самой смерти, а тех, кто не знает – отправят на бойню. Я уже живу в мертвецкой, потому что сказал им, что у меня больше нет сил работать. Но бог не берет мою душу, наверное, хочет вывести меня отсюда на белый свет. И знаете, я верю в это, потому что недавно видел во сне женщину, которая в шлеме, похожем на корону с острым мечом в руке примчалась ко мне на огненном коне и сказала: «Не отчаивайся, Вагинак, я скоро приду и всех вас освобожу». Я бы давно умер, если бы эта чудопарица не вселила в меня надежду. Эта надежда питает мою душу, и насколько я слаб телом, настолько силен духом. Ах, мой Вачаган, где ты, почему ты забыл своего верного Вагинака?...

Вачаган находился в таком оцепенении, что не сразу поверил, что перед ним его друг Вагинак... «Значит, это наш Вагинак», – подумал он и хотел броситься к нему в объятия, но остановился и решил расспросить несчастного пленника о том, как он сюда попал. Вагинак начал свой рассказ издали. Теперь молодой царь не сомневался, что перед ним его верный слуга, но боялся, что радость встречи может оборвать жизнь измученного Вагинака, висевшую на волоске.

– Так ты говоришь, что твое имя, как мне слышалось, Вагинак?

– Вагинак, да, Вагинак... я когда-то был...

– Брат Вагинак, тебе вредно много говорить. Живи, пока твой сон исполнится. Я верю в твой сон и благодарен тебе, что ты рассказал о нем. Теперь мы будем жить этой же надеждой. Хорошо бы тебе поведать о своем сне другим своим товарищам. Я толкователь снов, и уверяю тебя, что твой сон исполнится в точности. Но вот слышны чьи-то шаги, ступай на свое место, – сказал царь и стал ждать.

Вместе с ним в плен попали еще шесть человек, один из них сказал, что умеет ткать полотно, другой – шелк, третий был портным, а остальные трое не знали никакого ремесла.

– Не беда, – сказал Вачаган. – Я скажу, что все вы мои собратья по ремеслу, а я знаю очень хорошее ремесло.

Шаги, отдаваясь эхом в каменных сводах, становились ближе, и вскоре перед ним появился жрец-надсмотрщик в окружении вооруженных людей.

– Это вы вновь прибывшие? – свирепо спросил жрец.

– Да, мы твои слуги, – ответил Вачаган.

– Кто из вас знает ремесло?

– Все мы знаем ремесло, – сказал Вачаган, – мы умеем ткать очень дорогую парчу. Одна мера нашей ткани стоит сто мер золота. У нас была большая мастерская, но потом сторела, мы увязли в долгах и разорились. Вот приехали в Перож, чтобы найти работу, встретили верховного жреца, и он привел нас сюда.

– Хорошо, но неужели и вправду так дорого стоит ваша ткань? – недоверчиво спросил жрец.

– В наших словах нет лжи, можете сами убедиться в этом.

– Конечно, я скоро узнаю, насколько правдивы ваши слова. А сейчас скажите, какие вам нужны материалы и инструменты.

Вачаган подробно перечислил все, что было нужно. Через несколько часов все было готово. Жрец велел им отправиться в мастерскую, где они будут работать и там же пообедают вместе с другими.

– Там мы не сможем работать, – предупредил Вачаган, – нам необходимо отдельное просторное помещение. Самое удобное место здесь. Наша тонкая работа требует много света, при

тусклом освещении ничего не получится. А что касается нашей пищи, вам надо знать, что мы не едим мяса. Мы не привыкли к этой еде. Если мы съедем мясо, то сразу умрем, и вы лишитесь хорошей прибыли. Я говорю правду: одна мера нашей парчи стоит сто мер золота.

– Хорошо, – согласился жрец, – для вас я пришлю хлеб и растительную пищу, у вас будет также много света. Но если ваша работа окажется не такой тонкой, как вы обещаете, я всех вас отправлю на бойню и, прежде чем убить, подвергну страшным пыткам.

– В наших словах нет лжи, и если вы хотите получить обещанную выгоду, то должны выполнить нашу просьбу.

Жрец сдержал свое обещание. Он посылал им белый хлеб, овощи, молоко, мацу, сыр, свежие и сухие фрукты. Вагинаку тоже доставалась доля из этой пищи, да и другим узникам ткачи тайком раздавали кусочки белого хлеба, как просвиру во время причастия, которая, подобно живой воде, возвращало их к жизни. От этой пищи Вагинак стал поправляться, приходит в себя, а Вачаган вместе со своими товарищами работал не покладая рук. Вскоре они сделали отрез превосходной парчи с такими замысловатыми узорами, в которых внимательный взгляд мог прочесть всю историю этого ада.

Жрец, увидев готовую парчу, пришел в восторг. Вачаган сложил ткань и, вручая жрецу, сказал:

– Я сначала говорил, что одна мера нашей ткани стоит сто мер золота, но теперь я должен сказать, что эта парча стоит вдвое дороже, на ней талисманы, которые принесут радость и счастье ее обладателю. Но простые люди не смогут ее оценить. Цену ей знает только царица Анаит, да кроме нее никто и не осмелится носить такую драгоценную парчу.

Когда жрец узнал настоящую цену ткани, в его глазах заблестела алчность. Он ничего не сказал своему хозяину – верховному жрецу, даже не показал ему эту парчу. Надсмотрщик решил сам тайком поехать к царице Анаит и продать ей ткань в тридорога...

Анаит была сильно встревожена долгим отсутствием мужа. Прошло уже тридцать дней, как он покинул дворец и ничего не сообщал о себе. Она совсем потеряла покой, ее стали преследовать кошмары и дурные предчувствия. И даже верный Занги, прильнув к её ногам, беспреестанно выл, скулил, жалобно повизгивал и еще больше усиливал беспокойство царицы. Конь Вачагана, подобно незащитному жеребенку, потерявшему мать, тосковал в конюшне, почти ничего не ел и слабел день ото дня. Куры стали кричать по-петушиному, а петухи, вместо того чтобы приветствовать рассвет, кукарекали по вечерам. Соловьи перестали петь, и в саду по ночам раздавалось лишь тревожное уханье совы. Не плескались беззаботно волны Тартара, а тоскливо катились вдоль садовой ограды, шепча: ваш-виш-ваш-виш. Впервые мужественную Анаит охватил страх, даже её собственная тень казалась ей вытянувшимся перед нею драконом-вишапом. Она вздрагивала от любого стука, от обычного шума. Временами ей хотелось вызвать князей, сказать им об исчезновении Вачагана, но она боялась, что когда в стране узнают, что царь пропал, может начаться смута.

Однажды утром, в тоске она гуляла по умолкшему саду, и вдруг слуга сообщил ей, что во дворец прибыл какой-то чужеземный купец и уверяет, что у него есть замечательный товар для царицы. Сердце Анаит беспокойно забилося. Она приказала впустить купца.

Вошел человек свирепого вида, поклонился в пол и положил перед царицей отрез золотой парчи на серебряном подносе. Анаит взяла парчу, рассмотрела ее и, не обратив внимания на узор, спросила цену.

– Одна мера стоит триста мер золота, милостивая царица. Во столько обошелся мне лишь материал, а плату за труд оставляю на твою милость.

– Неужели так дорого? – переспросила Анаит.

– Долгих лет жизни тебе, царица! В этой парче есть такая сила, которой нет цены. Ее узоры не простые рисунки, а талисманы, а сила этих талисманов в том, что они приносят радость и счастье её обладателю. Тот, кто наденет ее, не будет знать печали.

– Вот как!

Анаит развернула парчу и стала внимательно рассматривать узоры, которые оказались не талисманами, а тайнописью. Анаит молча прочитала его:

«Моя любимая Анаит, – рассказывали знаки на парче, – я попал в настоящий ад. Тот, кто доставит тебе эту парчу, один из его стражей. Здесь оказался и Вагинак. Ад находится к востоку от города Перож в подземелье под капищем. Если ты срочно не придешь на помощь, мы погибнем. Вачаган».

Анаит снова и снова перечитывала послание мужа и не верила своим глазам. Наконец, не отрывая глаз от письма, она, радостная, обратилась к жрецу:

– Ты говоришь правду, чужеземец, узоры твоей парчи приносят радость. Я сегодня была очень грустна, но сейчас я чувствую какую-то особую непередаваемую радость. По-моему, этой парче цены нет. Если бы ты за нее попросил половину моего царства, я бы не пожалела. Но знаешь, мне кажется, ни одно творение не идет в сравнение с его творцом. Не так ли?

– Долгих лет жизни тебе, царица, ты, конечно, права: творение не может сравниться с творцом.

– Если ты согласен со мной, то должен привести ко мне ее создателя, чтобы я вознаградила его, так же, как и тебя. Ты, наверное, слышал, что я очень ценю ремесло и готова любого хорошего ремесленника одарить наравне с моими храбрыми воинами.

– Милостивая царица, я не видел и не знаю того, кто сделал эту ткань. Я купец. Купил ее в Индии у одного еврея, а тот – у одного араба, а араб – неизвестно у кого, в какой стране.

– Но ты, кажется, только что сказал, во сколько обошелся тебе материал, ты не говорил, что купил эту ткань, то есть ты сам заказал соткать ее.

– Милостивая царица, мне так сказали в Индии, а я...

– Постой, постой, где твоя Индия? До нее, как отсюда до Перожа?

– Нет, милостивая царица, Перож рядом с нами, а до Индии три-четыре месяца пути.

– Но знаешь, если я захочу, то твоя Индия окажется в Пероже. Можешь ли ты сказать мне, кто ты такой, откуда ты, какой национальности, какой веры, где ты родился, где ты живешь, каким занят делом?

– Милостивая царица...

– Слушай, я тебя не помилую, привезенные тобою талисманы поведали мне о тебе. Слуги, схватите этого человека и бросьте в темницу, – велела Анаит.

Вачаган, отправив зашифрованное на ткани послание Анаит, больше не сомневался, что жена спасёт его. Желая поддержать надежду своих товарищей и друга Вагинака, он однажды сказал:

– Знаешь, Вагинак, мне недавно приснился точно такой же сон, как и тебе. И я надеюсь, что мы вскоре будем освобождены. Но я хотел предупредить вот о чем. Если мы сразу выйдем из этого мрака на свет божий, то яркий свет может ослепить нас. Поэтому не забудьте зажмурить глаза. Потом постепенно вы привыкнете к свету. Об этом меня предупреждали люди, вышедшие из темницы.

– Дай бог нам выйти из этого ада, – ответил Вагинак. – Даже если глаза наши ослепнут, не беда, но сказанное тобой, мастер, напомнило мне один случай, о котором не могу не рассказать. Однажды я и сын царя во время охоты, очень усталые, спешили у одного родника. Девушки ближайшего села стояли у родника и по очереди наполняли свои кувшины. Царевич попросил напиться. Одна из девушек наполнила кувшин, чтобы дать ему, но другая взяла у нее кувшин и вылила воду. Затем сама начала наполнять его и выливать воду и повторила это двадцать или тридцать раз – точно уже не помню сколько. Я так рассердился на нее, но царевичу понравился поступок девушки, особенно когда, дав ему наконец воды, она сказала, что поступила так не по злomu умыслу. Увидев, какие мы усталые и разгоряченные, она решила дать нам холодной воды не сразу, чтобы мы немного отдышались и поостыли. То, что ты сейчас сказал, напомнило

мне слова той девушки. А знаешь, быть может, та девушка и стала нашей царицей. Увидев ее, царевич не захотел жениться на другой, и решительно сказал: или она, или никто. Царь вынужден был послать меня к ее отцу свататься, но девушка отказала: мол, я не выйду замуж за человека, не знающего ремесла. Тогда это рассмешило меня, но царевич понял разумность ее слов и за год научился ткать прекрасную парчу, точь-в-точь такую, как твоя. А я только тогда понял значение ее слов, когда попал в этот ад.

– Но скажи мне, брат Вагинак, почему мы во сне видим не царя, а царицу?

– Кто знает? Ты это должен знать лучше меня, потому что ты толкователь снов, и прости меня за то, что я сейчас скажу тебе в лицо – в словах моих нет лицемерия, – ты мне кажешься очень мудрым человеком. Если ты смог в этом аду получить человеческую пищу, то ты можешь сделать и многое другое. И я удивляюсь, что ты не совершаешь чуда, не уничтожаешь эту преисподнюю и не спасаешь всех нас. Если бог даст, и мы выйдем из этого ада, я уверен, царь сразу же призовет тебя к себе и сделает своим ближайшим советником.

– И это произойдет, конечно, благодаря тебе, потому что я не знаком с царем. Но кто знает, в каком положении находится сейчас сам царь, быть может, он попал в какой-то другой ад и, подобно мне, ткёт парчу. Для чего же он выучился ремеслу ткача?

– Твои слова мне кажутся загадочными... но нет... не дай бог, чтобы я видел моего Вачагана в таком положении, как мы. Пусть лучше я умру сию же минуту.

– В моих словах нет ничего загадочного, брат Вагинак, я говорю то, что думаю. По-моему, царь такой же смертный, как и мы. Мы болеем – он тоже болеет, нас убивают, берут в плен – с ним может случиться то же самое. Он, как и мы, в воде тонет, в огне горит, ест такой же хлеб, а может, еще более горький...

– Все это верно, мастер. Но, мне кажется, царь должен быть настолько благоразумным, чтобы не пойти из праздного любопытства, подобно мне, за верховным жрецом и не попасть в этот ад.

– Это несчастный случай, брат Вагинак. Разве царь может знать, что святой верховный жрец – это страшное чудовище? Разве он может знать, что есть люди, которым ужасное злодеяние доставляет удовольствие? Нет, Вагинак, ни один смертный на свете не может избежать внезапной беды. Сегодняшний счастливец не ведает, какое завтра несчастье ждет его. Другое дело, если опасность встала перед тобой в своем подлинном облики. Умный человек, встретившись с бурлящей рекой, не бросится, очертя голову, в нее, а станет искать брод. Что ни говори, а наш сон говорит о том, что царь попал в какую-то беду, и сердце мое чувствует, что он будет спасен тогда же, когда спасемся мы.

– И, конечно, он спасет нас благодаря своему умению ткать парчу. А мое сердце говорит мне, что в эту минуту я слышу голос моего царя, этот голос, с той первой минуты, как я его услышал, пронзил мое сердце. Но верить ли мне моим ушам? Ну, что скажешь ты?

– Нет, нет, не верь! Но поверь тем звукам, которые услышишь снаружи. Прислушайтесь, вот слышен шум и грохот, словно сотрясаются ворота ада, наверное, спаситель уже близко. Дайте знать всем, чтобы собрались здесь и были готовы...

Анаит, заточив в темницу жреца, тотчас же приказала трубить тревогу. Внезапные резкие звуки огромных военных труб предупреждали всех, что над страной нависла грозная опасность. Не прошло и часа, как все жители города собрались перед дворцом, толпа бурлила подобно водовороту, никто не знал, что случилось, все взволнованно спрашивали друг друга, но ответа не получали. Вдруг на балконе появилась Анаит в воинских доспехах и, обращаясь к народу, сказала:

– Жизнь вашего царя в опасности. Только что я узнала, где он находится. Он отправился в путешествие по стране, чтобы увидеть своими глазами нужды и заботы народа, но оказался в аду. Больше я не знаю ничего, но чувствую, что времени терять нельзя. Поэтому все, кто любит

своего царя, кому дорога его жизнь, должен пойти за мной. Мы должны до полудня прийти до города Перожа. Я уже готова к бою и жду вас. Собирайтесь.

В тот же миг люди стали собираться в поход, благословляя царя и царицу. Не прошло и часа, как все были готовы вступить в поход. Отважные девушки и женщины, узнав, что войско возглавит сама царица, также вооружились и верхом на конях окружили ее. Анаит восседала на огненном скакуне в золоченых доспехах, с широким мечом на боку и со щитом за спиной, ее волосы были скрыты под шлемом. Лицо ее горело огнем, глаза сверкали.

Когда все вышли из города, Анаит на коне объехала своё войско и, отдавая приказание, выстроила за собой конницу. Воскликнув: «Вперед!», она пришпорила коня и в тот же миг скрылась из виду. Через два часа она на своем огненном коне была уже на площади города Перожа. Горожане-идолопоклонники, приняв ее за сошедшую с неба новую богиню, толпами падали перед ней на колени и склоняли головы до самой земли.

– Где ваш градоначальник? – грозно крикнула царица.

Один из стоявших на коленях дрожащим голосом сказал:

– Я здешний градоначальник, твой слуга...

– Значит, это ты настолько беспечен, что не ведаешь, что происходит в храме твоих богов?

– Я, твой слуга, ничего не знаю.

– Может быть, ты не знаешь, где находится ваше капище?

– Как не знать, твой слуга прекрасно знает.

– Тогда веди меня к нему ...

Не прошло и получаса, как Анаит, сопровождаемая толпами высыпающих на улицу горожан, была у ограды капища. Жрецы решили, что это толпы паломников, и распахнули перед ними ворота. Но когда народ ворвался во двор и жрецы увидели прекрасное и грозное лицо царицы, их охватил непривычный страх. Анаит тем временем сразу отыскала дверь в преисподнюю и, обращаясь к градоначальнику, приказала:

– Откройте эту дверь!

Пока по приказу градоначальника несколько человек стали взламывать тяжелую железную дверь, перед ними появился верховный жрец в своем священном одеянии. Он вышел к людям в сверкающих белых одеждах, с высокой двурогой короной верховного жреца на голове, в руке он сжимал священный посох, увидев его, народ в страхе отпрянул и раболепно расступился перед ним. Жрец приблизился к Анаит и грозно крикнул:

– Чего ты хочешь, кто ты? Уйди прочь!

Едва сдерживая гнев, Анаит сказала ему:

– Я приказываю тебе открыть эту дверь!

– Кто может здесь приказывать, кроме меня?! – ответил жрец. – Это дверь в наше святилище. Здесь находится прах наших предков, здесь наш негасимый жертвенник, посмотрите на дым, поднимающийся до самого неба.

– Братья, не гневите богов! Разойдитесь, уходите, убирайтесь прочь! Как вы смеете своими нечестивыми ногами осквернять это священное место!

Страшные угрозы верховного жреца вселили ужас в идолопоклонников. Опустив головы, они отошли назад. И только христиане не отступили и громко кричали, поддерживая Анаит:

– Откройте, откройте дверь!

Верховный жрец, увидев, что люди не покоряются ему, повернулся лицом к капищу и, возводя руки, воскликнул:

– О, всемогущие боги! Ваш священный храм оскверняется, помогите!..

И в этот миг дверь капища распахнулась и оттуда выбежали рассвирепевшие жрецы с оружием в руках. Верховный жрец приказал им охранять вход и никого не пускать в подземелье.

Терпение царицы Анаит иссякло. Оглянувшись, она увидела тучи пыли над городом и поняла, что ее войско на подходе. Это придало ей силы, и она решила вступить в бой. В левую руку она взяла щит, правой вытащила меч и, обращаясь к жрецам, крикнула:

– В последний раз приказываю вам бросить оружие и отпереть дверь в этот ад.

Жрецы приготовились к сопротивлению. Верный конь Анаит понял намерение своей владычицы и, почувствовав легкое прикосновение её шпор, сбил с ног верховного жреца и бросился на других. С молниеносной быстротой Анаит снесла головы трем жрецам и повернула коня назад. Жрецы окружили ее, пытались стащить с седла и ранили коня. Анаит защищалась, а ее конь наносил удары копытами и спереди, и сзади, но жрецы сражались отчаянно и яростно. Жизнь Анаит была в опасности. Заметив это, на огнепоклонников сзади напали христиане Перожа. Жрецы растерялись, отбивая удары с двух сторон. Воспользовавшись этим, Анаит снова устремилась в толпу жрецов, обезглавила еще троих и нескольких раздавила конем. Видя, что христиане помогают Анаит, язычники встали на сторону своих жрецов, и стали забрасывать камнями христиан. Они сбили шлем с головы Анаит, ее густые длинные волосы рассыпались по плечам и укрыли ее, как кольчуга, – видны были только гневные пламенные глаза царицы. Ее неумолимый вид вселил в толпу новый страх, град камней прекратился. Тогда Анаит вновь нанесла несколько сокрушительных ударов по жрецам. И в этот момент подошли передовые копьеносцы ее войска вместе с девушками и женщинами и, увидев отчаянную борьбу своей царицы, с криками бросились на жрецов. Те бежали. Когда толпа расступилась, на площади перед капищем на коне восседала Анаит, окруженная отважными спутницами. Один из христиан подал ей упавший шлем. Царица снова надела его и сошла с коня. Она приказала подошедшим войскам окружить храм, в котором укрылись жрецы, и обратилась к толпе:

– Подойдите сюда, люди, и посмотрите, что на самом деле скрывается в святилище вашего верховного жреца! – И приказала взломать дверь.

Перед собравшимися открылось ужасающее зрелище. Из адского логова стали выползать люди, похожие на восставших из могил мертвецов. Многие были на последнем издыхании и не могли стоять на ногах. Их радостные вопли, крики и плач раздирали души. Последними на свет вышли Вачаган и Вагинак с опущенными головами. Царица узнала мужа и сделала знак своим людям, чтобы его отвели в приготовленный для него шатер. Вачаган вел за руку Вагинака, который следовал за ним с закрытыми, как у нищего слепца, глазами. Усадив всех спасенных на площади, Анаит приказала своим воинам войти в подземелье и вынести все, что там осталось. Воины вынесли трупы недавно умерших людей, отрезанные головы, корзины, наполненные человеческими телами, котлы, полные человеческого мяса, инструменты и предметы ремесла...

Увидев это страшное злодеяние, идолопоклонники, охваченные чувством стыда и ужаса, закричали:

– Велик бог христиан, капище – это ад, идола – это дэвы, жрецы – дьяволы, убьем, уничтожим, истребим их!

– Нет, нет, – воскликнула царица, – подождите, не подходите, не прикасайтесь к жрецам, судить их имею право только я. Но прежде нам надо позаботиться об этих несчастных.

Царица подошла к каждому узнику и расспросила его: кто он и откуда. Один сказал, что он Арнак, сын Бабука. Это имя громко повторил градоначальник, и тогда из толпы вышел старик, дрожа и всхлипывая, он спросил: «Где мой сын?». Ко второму подошла мать и без чувств упала на грудь единственного сына, у третьего отыскалась сестра, у четвертого – брат. А тех, у кого не было близких, царица взяла под свое покровительство, среди них были и ткачи, работавшие с царём Вачаганом.

Позабывшись обо всех несчастных, царица пожелала лично осмотреть застенки жрецов. Вместе с градоначальником и несколькими воинами она вошла в бойню, где повсюду были следы крови и груды человеческих костей.

– Эта ужасная преисподняя была создана давно, – сказала она градоначальнику, – годами люди строили ее и, попав сюда, уже никогда не возвращались на белый свет. Как же вы могли не знать о ней?

– Милостивая царица, я не виноват в том, что здесь происходило, – взмолился градоначальник. Чтобы обнаружить это, надо было обладать твоей мудростью. Каждый год из нашего города бесследно исчезали не меньше ста человек, но я всегда считал, что они попадали в плен к горцам. Этим подлых жрецов мы не только почитали как святых, но считали очень трудолюбивыми и знающими ремесла людьми, живущими трудом своих рук, а не за счет людской крови. Кто мог предположить, что те дорогостоящие рукоделия и ткани, которые они ежедневно продавали на рынке, – сделали не они? Кто мог подумать, что верховный жрец, которого мы боготворили, был дэвом в облики человека, жаждущим крови невинных людей.

Наконец, они вышли из подземелья и снова вернулись к храму огнепоклонников. Царица постучала в дверь и предложила жрецам сдаться. Но ответом было молчание. Воины взломали дверь и вошли, но внутри никого не было. Взглянув наверх, они увидели страшную картину: верховный жрец и все остальные жрецы свели счеты с жизнью и раскачались на верёвках перед почитаемыми ими идолами. Когда об этом сообщили царице, Анаит сказала:

– Они сами выбрали себе очень легкую смерть. Но что поделаешь! Оставьте их висеть, но разрешите народу войти в храм и поклониться своим святым.

Столпившиеся у храма возбужденные люди бурным потоком устремились внутрь, но не стали молиться, а яростно набросились на своих идолов и разбили их. «Как легко их разрушить, – говорили жители, – а мы думали, что они недоступны и неприкосновенны». За идолами открылась главная сокровищница жрецов.

Царица приказала всё их богатство раздать освобожденным пленникам. Тем временем идолопоклонники до основания разгромили свой храм, а тела служителей преисподней швырнули за ограду на съедение хищникам.

Тем временем царица вошла в шатер, где ее с нетерпением ждал царь Вачаган. Любящие супруги сели рядом и не могли насмотреться друг на друга. Вагинак поцеловал ее руку и зарыдал, как ребенок, нашедший мать.

– Ты спасла нас не сегодня, моя несравненная царица, много дней тому назад, я увидел тебя во сне именно в этом одеянии.

– Ты ошибаешься, Вагинак, – сказал царь, – она спасла нас тогда, когда спросила у тебя: «Знает ли царевич какое-либо ремесло?» Помнишь, тогда ты долго над этим смеялся.

– Ах, это правда, мне нечего тебе возразить теперь, – ответил слуга. – Если я раньше многому не верил, то сейчас стал верить тому, что слышал раньше. Вардапет Месроп в своих проповедях говорил: «Если бы Христос не спустился в ад, ад бы не рухнул». Над этими словами я тоже смеялся, но сейчас мой царь лично доказал, что Месроп был прав.

– Успокойся, Вагинак, об этом мы поговорим позже, – сказала царица, лишь теперь почувствовав, как сильно она устала.

– Я вижу, что тебе тоже надо отдохнуть, – сказал ей супруг. – Теперь ты отдыхай, а об остальном позабочусь я.

Царица удалилась в другую часть шатра, где для нее служанки приготовили мягкое ложе. Здесь она сняла свои доспехи и передала их мужу, а сама прилегла, чтобы отдохнуть, но долго не могла сомкнуть глаз: то ей чудилось, что она окружена разъяренными жрецами, которые то защищаются, то нападают на нее, то перед ней представляли полные человеческого мяса котлы, и она содрогалась всем телом от ужаса и гнева... Все эти сумбурные впечатления мучили ее, не давая уснуть.

Вачаган хорошо знал, что Анаит настолько же отважна, насколько добра. Знал, что она из жажды мести безжалостно уничтожила жестоких жрецов, но это оставило глубокий след в ее нежном сердце. Поэтому он поспешил взять командование армией на себя. Надев доспехи и

опоясавшись царским мечом, он решительно вышел из шатра к своим войскам. Царь приветствовал своих солдат и благодарил их за мужество. В этот момент градоначальник, припал к его ногам, поздравил с освобождением и умолял царское войско не отказываться от угощения, которое жители приготовили для него на поляне. Вачаган пожелал воинам веселого пиршества, а сам пошел в шатер к Анаит, где уже был накрыт роскошный стол и все ждали прихода царя, чтобы приступить к трапезе. Здесь был и Вагинак, сменивший лохмотья на достойную его сана одежду. Он был счастлив как никогда в жизни.

Вскоре после пиршества трубы возвестили о том, что настало время собираться в путь. И войско направилось домой. Впереди ехали царь и царица, рядом с ними девушки и женщины, замыкали колонну воины. Все пели победную песню. А когда освободители появились на главной площади Перожа, все жители от мала до велика в один голос закричали:

– Да здравствует царь, да здравствует царица! Пусть сгинут жрецы, пусть рухнут капища, мы хотим быть христианами!

Царь им ответил, что скоро в Перож приедет патриарх и окрестит их. И действительно, через два дня прибыл католикос Агвана – старец Шупхагише в окружении епископов и священников. Католикос привел перожцев на берег Куры, где все они, раздевшись, и, завернувшись в белые покрывала, вошли в воду, многие держали на руках своих детей. Католикос совершил обряд крещения и приказал всем трижды окунуться в воду. Так на город снизошла благодать христианства.

А царь в это время вернулся в родной дом. На пороге с веселым визгом его встретил пёс Занги. Он бросался то Вачагану, то к Вагинаку, словно знал, что с ними произошло.

На следующий день из темницы вывели жреца, который привез царице парчу с секретным посланием, чтобы судить и наказать его при всем народе. Когда собрались судьи, к царю подошел Вагинак и попросил разрешения самому наказать своего мучителя.

– Как ты хочешь наказать его? – спросил царь.

– Об этом подумаем я и Занги, – ответил Вагинак. – Те мерзавцы в Пероже легко отделались, но этот не удостоится их легкой судьбы.

– Но ты забываешь, Вагинак, что христианин не должен быть жестоким.

– Нет, я только хочу его черную душу отдать на милость Занги, пусть отнимает ее у злодея так, как захочет.

– Уведи его, уничтожь, как собаку, – в один голос сказали судьи.

Царь не захотел отказывать Вагинаку в просьбе. Тот отвел жреца со связанными руками в ущелье и, отпустив его, сказал, обращаясь к верному псу:

– Занги, посмотри, это тот человек, который несколько лет мучил меня страшными пытками, он кормил меня тем, чего ты не стал бы есть никогда. Занги, накажи этого человека и успокой мое сердце. Это зверь, Занги, хватай его, рви на части...

Занги одним прыжком набросился на жреца, впился в его горло, задушил и, рыча, сразу же отпрянул от него.

– Ах, Занги, как ты облегчил смерть этого чудовища. Разве я этого у тебя просил? Даже самый добрый палач не поступил бы так, как ты...

Так добро победило зло.

Легенда о чудесном спасении царя и его прекрасной Анаит передавалась из уст в уста, из города в город, из страны в страну. Народные певцы слагали о них песни, жаль, что они не дошли через века до нас. Но о том, что «жизнь царю спасло ремесло», все помнят до сих пор. Это – хорошая мысль. Ведь оттого, какое значение придает народ ремеслу, трудолюбию, зависит его счастье. Это счастье еще надежнее, когда сам царь и царица подают пример.

Можно только представить, как процветал народ при таком мудром правителе как Вачаган, который был его сыном, отцом и братом, и при такой царице как Анаит, которая стала для своей страны родной матерью. Вот что говорили о ней люди: «Анаит возвела на наших

реках мосты, построила корабли и лодки, покрыла наши поля каналами и арыками, в городах и селах появилась вода. Она проложила для наших телег ровные дороги, дала нашим плугам просторные земли. Она разрушила ад и превратила нашу страну в Эдем. Да здравствует Анаит, да здравствует навеки!»...

Айцатур

Как-то остановился караван на ночлег у одного селения. В полночь богатый купец решил обойти свой караван и проверить, не спят ли сторожа, и вдруг видит: на окраине селения встретились трое и о чем-то разговаривают между собой:

– Братья, какую судьбу вы предназначали новорожденному? – спросил один из них.

А двое ему ответили:

– Мы отдали ему счастье купца, который остановился здесь на ночлег.

И тут же все трое исчезли, как будто их и не было. Понял купец, что это были ангелы, решающие судьбы людей, и так расстроился, что его счастье отдали какому-то младенцу, что до рассвета не мог уснуть, а как только рассвело, отправился в село и узнал, в каком доме этой ночью родился ребенок. Вошел купец в этот дом, увидел красивого, крепкого мальчика и попросил его родителей отдать ребенка.

– Я очень богат, – сказал купец, – но сына у меня нет. Я воспитаю вашего мальчика как родного, все свое состояние отдам ему, позабочусь и о вас на старости лет.

Родителям трудно было отдать своё ребенка, долго не соглашалась мать, но так как были очень бедны, стали сомневаться, что смогут поднять его на ноги. А тут еще соседи стали советовать наперебой:

– У вас и без того много детей, – твердили они, – и будет еще больше. Сумеете ли вы всех прокормить? Отдайте хоть одного этому человеку, пусть ребенок станет богатым, может, и вам тоже богатство перепадет.

Наконец родители согласились и за несколько золотых отдали сына богатому купцу.

Купец взял ребенка, и его караван двинулся в путь.

Много ли прошел он или мало – одному богу известно, но вот остановился караван в красивой и плодородной долине. Здесь и решил купец сделать новую остановку.

– Более укромного места не найти, – подумал богач, – сейчас я велю зарыть этого младенца в землю. Посмотрим, как он теперь отнимет у меня мое счастье.

Подозвал купец к себе своего верного слугу и сказал:

– Возьми этого ребенка и принеси его в жертву за меня, но его сердце и печень отдай мне.

Купец решил, что сердце и печень ребенка вернут ему его прежнее счастье.

Слуга покорно взял ребенка, но не смог поднять руку на беззащитное дитя.

– Нет, мой бессердечный господин, на этот раз я твой приказ не исполню, – сказал он сам себе и положил ребенка под куст, вручив его судьбу в руки Всевышнего.

Мимо пастухи гнали стадо. Слуга купил у них маленького козленка, зарезал его, достал сердце и печень и отнес своему господину. Купец изжарил их, съел и, успокоившись, продолжил свой путь.

Тем временем козы и овцы разбрелись по всей долине, и одна дойная коза с полным выменем, искавшая кому бы отдать молоко, увидела под кустом младенца, подбежала к нему и вдоволь накормила его. Здоровый и сильный малыш быстро опорожнил вымя козы. И коза, и ребенок были довольны. С тех пор каждый день в одно и то же время, где бы ни паслась их отара, коза прибегала к ребенку и кормила его, а домой шла без молока. Не понравилось хозяйке этой козы, что ее единственная кормилица перестала давать молоко. Пришла она к пастухам и давай их бранить, на чем свет стоит:

– Это вы тайком доите мою козу, – обвиняла их бедная женщина.

– Небо и земля свидетели, мы ничего не знаем, – божились пастухи. – Подумай сама, если бы мы доили, то доили бы не твою козу, которая у тебя одна, а коз зажиточных крестьян, которые бы не почувствовали убытка. Но мы стали замечать, что твоя коза стала всё время

куда-то убежать из стада. Смотрим – нет ее, где она – неизвестно. Хочешь, приходи как-нибудь на пастбище и убедись в этом сама.

И вот пошла хозяйка за козой на пастбище и не сводила с нее глаз. В полдень, когда вымя у козы наполнилось, она потихоньку направилась к ребенку. Женщина стала следить за нею. Коза остановилась под кустом, довольно долго простояла там и вернулась с пустым выменем. Крестьянка подошла к кусту и увидела прекрасного младенца.

– Какое счастье! – воскликнула она. – Пусть я несколько дней оставалась без молока, взамен бог дал мне сына. Возьму его и позабочусь о нем, а он вырастет и станет мне опорой.

Она взяла ребенка, отнесла к ближайшему ручью, хорошенько выкупала, завернула в чистую тряпицу, и, целуя, понесла домой. И так как он был вскормлен козой, она дала мальчику имя Айцатур, то есть «данный козой».

Прошло семнадцать лет. Айцатур вырос и стал опорой своей приемной матери, заботился о ней и оберегал. А она нарадоваться на него не могла, таким он стал красивым, умным и трудолюбивым юношей.

Но случилось так, что однажды у этого села остановился на отдых богатый купец со своим караваном. Крестьяне встретили чужестранца как дорогого гостя. Айцатур первым подошел к нему, взял его коня под уздцы, помог спешиться. Потом немного поводил коня, чтобы тот остыл после дальней дороги, привязал его и дал сена. После этого он усадил купца на лучшее место и угостил его обедом. Купцу очень понравился Айцатур, и он решил взять его к себе с услужение. Чужестранец стал расспрашивать его, и простодушный юноша рассказал свою историю, которую не раз слышал от приемной матери, а в доказательство привел свое необычное имя – Айцатур. «Х-м, – смекнул купец, – это, должно быть, тот самый мальчик, которому отдали мое счастье ангелы, ведь именно здесь я приказал его убить, но, видимо, слуга не выполнил моего приказа. К тому же, если тот ребенок выжил, ему как раз сейчас бы исполнилось семнадцать лет».

– Сынок, – обратился купец к Айцатуру, – хочешь, я возьму тебя с собой? Назначу управляющим всего своего состояния. Ты, видно, парень умный, тебя ждет хорошее будущее.

– От такого счастья не откажусь, – ответил Айцатур, – раз вы так милостивы и добры ко мне, я тоже постараюсь работать добросовестно. Надеюсь, мне не придется перед вами краснеть.

Юноша и не подозревал, что купец желает ему не счастья, а смерти. Попрошался он с приемной матерью, пообещал ей скоро вернуться и уехал с купцом.

Надо сказать, что купец этот был очень и очень богат. Тысячи верблюдов, лошадей и мулов везли его товары из одного города в другой. Каких только не было у него тканей, драгоценностей, фруктов, специй! Каждый, кто хотел что-либо продать или что-либо купить, ждал приезда этого купца. Когда он уезжал из дома, то годами не возвращался, бывало, месяцами он находился в пути – из Индии в Хорасан, из Хорасана в Тифлис, из Тифлиса в Астрахань. Его дом ни в чем не уступал царскому дворцу, и даже шахи и султаны брали у купца взаймы.

А пока купец странствовал по свету, подросла его единственная дочь Гоарик, исполнилось ей пятнадцать лет, и стала она самой красивой, умной и богатой невестой в округе. Давно не был купец в родном доме, и вот осталось ему пять дней пути до него. Позвал он к себе Айцатура, дал ему письмо, хорошего коня и сказал:

– Скачи вперед, отдашь это письмо моей жене, предупредишь ее о моем приезде.

Айцатур был рад услужить своему хозяину. Он спрятал письмо за пазуху, вскочил на коня и понесся во весь опор. На следующий день к обеду он прискакал к дому купца, постучал в ворота, но ему никто не открыл. Тогда юноша привязал коня в тени, день был жаркий, и сам присел у стены отдохнуть, но тут же уснул от усталости. Подошла к окну дочь купца Гоарик и видит: спит прямо у нее под окном прекрасный юноша. Долго смотрела на него девушка и никак не могла налюбоваться, и вдруг заметила, что у него за пазухой спрятано письмо, а

неподалеку привязан отцовский конь. «Это гонец моего отца, он прислал этого юношу предупредить о своем приезде», – догадалась девушка и недолго думая, выпорхнула из дома, осторожно вытянула письмо и быстро пробежала его глазами:

«Моя дорогая жена! – писал купец. – Как только этот юноша с моим письмом придет к тебе, прими его любезно, чтобы он ничего не заподозрил, а затем убей его, мечом или огнем, ядом или веревкой, всё равно. Но чтобы к моему возвращению его не было в живых. Я вернусь через пять дней. Твой муж».

Гоарик читала это письмо и не верила своим глазам. «Нет, это какая-то ошибка, мой отец, наверное, хотел написать совсем другое», – подумала она и написала новое послание:

«Моя дорогая жена! Как только этот юноша с моим письмом придет к тебе, сейчас же обвенчай его с Гоарик, чтобы к моему возвращению все было уже готово. Я приеду через пять дней. Твой муж».

Гоарик закончила новое письмо, тихонько положила его юноше за пазуху, потом незаметно поднялась к себе в комнату, сожгла письмо отца, и, ни в чем не бывало, вбежала в комнату матери.

– Посмотри, мама, – воскликнула Гоарик, – у наших дверей спит незнакомый юноша. Он прибыл на коне, а это конь моего отца, значит это его гонец. Надо его разбудить и пригласить в дом.

Мать спустилась вниз и разбудила Айцатура.

Айцатур поклонился госпоже, извинился, что уснул у ворот, и, достав письмо, вручил ей. Жена купца прочла письмо и обрадовалась.

– Ты знаешь, что написано в этом письме? – спросила она у Айцатура.

– Нет, мне это неизвестно, госпожа.

– Это и видно, что неизвестно, иначе ты бы не спал у ворот, как младенец. Пойдем наверх, я скажу тебе, что здесь написано.

Жена купца хотела увидеть, как дочь воспримет решение отца.

Когда они вошли в дом, их встретила Гоарик и стала расспрашивать у гостя об отце, о его здоровье, а у матери поинтересовалась, что же написал отец.

– Как твое имя, сынок? – спросила госпожа.

– Аствацатур, – ответил юноша, постеснявшись назвать свое настоящее имя.

– Аствацатур, «Богом данный»? Ну, что ж... Знаешь, Аствацатур, мой муж пишет, чтобы сразу же, как только ты приедешь, я отдала за тебя нашу дочь. Я не могу пойти против его желания, и у меня нет возражений. Но если ты или она не согласны, то воля ваша.

Айцатур только из сказок знал о таких красавицах, как Гоарик, и не мог допустить даже мысли о том, что может стать для нее мужем, а не слугой. Он стоял как вкопанный, не произнося ни слова. А Гоарик, не растерявшись, сказала:

– Я покоряюсь воле отца, но не могу насильно завладеть сердцем юноши, он, быть может, не хочет на мне жениться?

Айцатур понял, что все это не сон и не злая шутка, и, собравшись с силами, сказал:

– Я также покоряюсь воле моего господина. Если он скажет «бросайся в воду» – я брошусь, но ведь он меня не в воду бросает, а из омота вытаскивает.

– Значит, все решено, – сказала жена купца, позвала священника и, показав ему письмо мужа, попросила совершить обряд венчания. Тут же молодых и обвенчали.

Через пять дней купец вернулся домой, увидел Айцатура, весело гуляющего по террасе с его дочерью, и не поверил своим глазам.

«Что это значит? – подумал купец. – Видно, вопреки моему письму он женился на моей дочери. Сделаю вид, будто такова была моя воля». Отец вошел в дом веселый, улыбочивый, поздоровался со всеми и, повернувшись к юноше и дочери, спросил жену, можно ли поздравить их со свадьбой.

– Да, да, – ответила жена, – я всё сделала, как ты просил в письме: обвенчала их до твоего приезда.

Тут купец догадался, что кто-то по дороге подменил его письмо и решил, что сделать это мог только сам Айцатур. Оскорбленный купец замыслил страшную месть.

На следующий день он велел своему садовнику вырыть глубокую яму, развести в ней костер и жечь его всю ночь.

– Хорошо, господин, – ответил садовник.

– На рассвете, – сказал купец, – я пришлю сюда одного человека. Как только он явится, схватите его, бросьте в яму, подкиньте дров и сожгите его».

Садовник сделал всё, как приказал ему хозяин. А вечером за ужином купец и говорит своему молодому зятю:

– Ты мне очень понравился, поэтому я и написал в письме, чтобы вас с Гоарик обвенчали побыстрее до моего приезда, но сейчас я вижу, что немного поспешил. Не осудят ли меня за это люди? Не скажут ли, что я поскупился на свадебные торжества? Поэтому завтра мы устроим большое свадебное пиршество. Все приготовления я беру на себя. Тебя же попрошу только об одном: утром сходи в наш сад и собери свежих фруктов к столу. Не забудь также поручить слугам, чтобы они сделали букеты из свежих цветов.

Рано утром Айцатур пошел в сад. Проходя мимо храма, он увидел много прихожан и вспомнил, что наступило воскресенье, и решил зайти помолиться вместе со всеми.

«Пойду и я помолюсь, поблагодарю бога за всё, что он мне дал, – подумал юноша. – Еще успею приготовить к обеду все, что нужно».

Вошел Айцатур в храм и надолго там задержался.

А у купца сердце разрывалось от беспокойства и нетерпения. Так ему хотелось избавиться от юноши, что час ему казался годом. Не утерпел купец и сам поспешил в сад проверить, исполнен ли его приказ? Как только он вошел в сад, схватили его слуги, бросили в пылающую огнем яму и сверху засыпали хворостом и дровами. Купец кричал, что он их хозяин, их господин, но никто его не слушал, словно все оглохли и ослепли.

Через некоторое время Айцатур пришел в сад, где слуги встретили его как своего господина и сообщили, что его приказ исполнен. Так Айцатур узнал, что купец попал в яму, которую заставил вырыть для него.

Не зря в народе говорят, что написано на роду – не сотрешь, и не рой яму другому – сам в нее попадешь.

Вишاپ

Давным-давно это было. Может быть, тысячу лет назад, а может быть, и больше. Высоко в горах забил чистый, бурный родник и скоро вылился в шумную реку, река устремилась в долину и вдоволь напоила предгорье живительной водой. Расцвела земля: у подножья гор поднялись пышные леса, зацвели сады, раскинулись зеленые луга, и вскоре на берегу этой горной реки появилось селение. Его жители много лет не знали горя и бед, благодаря источнику, который щедро одаривал их край чудесной водой.

Долго не высыхал и не убывал этот источник, может тысячу лет, а может быть, и больше; а раз в году ранней весной он становился еще полноводнее, немного мутнее от талого снега, но никогда прежде не мелел, не замедлял свой бег, и шумно резвился у берегов, обдавая их прохладой. Но вот однажды... Однажды глухой рев пронесся по берегам реки. Удивились люди, испугались, столпились на берегу и вдруг увидели, что вода стала убывать. Так продолжалось день за днем.

Постепенно берега обмелели, поля и луга высохли, так как их нечем было поливать. Еще немного и плодородный край превратился бы в голодную степь.

Собрались селяне и решили подняться в горы, отыскать устье источника и осмотреть все притоки, которые питали реку, чтобы понять, куда же исчезает вода.

И пошли они вдоль берега когда-то широкой и бурной реки. И увидели весь ее сложный и извилистый жизненный путь. Свое начало она брала высоко в горах, за крутым, скалистым хребтом; по пути с соседних склонов к ней устремлялись еще несколько быстрых ручейков, а невиданную силу она набирала у подножия, в глубоком ущелье, и оттуда став мощной полноводной рекой, неслась дальше в долину.

«Но где же на этом непростом пути мог случиться затор?» – недоумевали люди. Тогда решили они разделиться и обойти всё течение, чтобы поскорее найти узкое место, медлить было уже нельзя: вода убывала с каждым часом. Несколько отважных мужчин поднялись высоко в горы, где река брала свое начало, другие – спустились на дно ущелья, предполагая, что с вершины скатились валуны и запрудили поток. Еще несколько селян зашагали вдоль русла вверх, к расщелинам горного хребта, а оставшиеся с лопатами и кирками в руках, отправились очищать притоки, думая, что их занесло песком или завалило камнями.

Тем временем вода в реке всё убывала, а люди никак не могли понять причину. Не встретили они на пути источника ни свалившихся валунов, ни песчаных заносов. Всех удивляло другое: иссякли ручейки, питающие реку, но почему они пересохли – никто не мог понять.

На пятнадцатый день поисков все жители сошлись у истока реки и стали держать совет.

– Очевидно одно, – заговорил кто-то, – вода в реке убывает день за днем, но куда она исчезает, остается загадкой.

– Мне кажется, – сказал второй, – что под ручьями образовались воронки и втягивают в себя воду.

– Но тогда мы бы увидели эти воронки, – возразили в толпе, – но их нет!

– Если так пойдет и дальше, нас всех ждет неминуемая гибель.

– А что если это наши тайные враги ловко соорудили в подземелье каналы, по которым крадут воду? – высказал предположение умудренный опытом крестьянин.

– Не похоже... Нет у нас врагов...

Долго еще люди спорили и препирались, высказывались за и против, выдвигая массу самых невероятных догадок. Страсти накалялись, и вдруг какой-то юноша, слышавший в селении сумасбродом-чудаком да мастером на нелепые выдумки, неожиданно выкрикнул:

– Послушайте, братцы, что я скажу! Я знаю, почему в реке убывает вода! Это все вишап – ненасытный водный дракон, он поселился в этих горах, и потихоньку осушает наши живительные родники. Это все вишап – вот в чем разгадка тайны!

В ответ грянул дружный хохот, и чудака со всех сторон осыпали насмешками.

Но он невозмутимо и уверенно стоял на своем:

– Уверю вас, братцы, это вишап, он обосновался в наших горах и скоро выпьет всю воду, вот увидите! От воды он будет только расти и пухнуть, а значит, станет пить еще больше, чем сейчас! Попомните мои слова, когда он выпьет всю воду, жажда приведет его в долину и он приползет в селение, чтобы напиться нашей крови...

Так пророчествовал юноша, но люди не только осмеяли его, но и решили поколотить, чтобы он прекратил нести околесицу.

Но юноша, увертываясь от тяжелых деревенских кулаков, продолжал отчаянно выкрикивать:

– Вишап это, братцы, вишап, говорю вам! Дойдите до истоков и сами увидите; проникните в самые глубины горы, разведайте и тогда поймете... Вишап родился, несмышленные братья мои, родился от нас самих, от нас родился!

– От нас родился?! – воскликнул рассерженный деревенский голова. – От нас, говоришь? А скажи-ка, чудака-человек, скажи нам, кто та женщина, что разродилась вишапом-драконом? Да и с чего вдруг она его родила?

Все снова захохотали, потому что никто еще не слышал, что бы женщина могли породить дракона и чтобы это чудовище могло выпить целую реку, да еще потом податься к людям и жаждать их крови.

– Говори! – крикнули чудаку селяне, – говори, а мы послушаем, может быть, это твоя мать родила водного дракона, если, конечно, его не породило твоё большое воображение? Говори же, что его породило на свет?

– Ваш пот... – сказал юноша и ни слова больше не проронил.

Да и стоило ли говорить? «Вишап, рожденный из пота?! Что за чепуха?» – судачили крестьяне, и даже почтенные старейшины, услышав о вишапе, укоризненно качали седыми головами. А река всё мелела и мелела... Недаром говорят: «Дурак в воду камень кинет, десять умников не вытащат». Так оно и вышло. Хотели люди или нет, но мысль о вишапе, как вода постепенно просочилась в их умы, и через несколько лет уже не вызывала дружного смеха.

А им когда стало нечего пить, то даже нашлись добровольцы, готовые отправиться к истокам реки, и проверить, действительно ли в устье поселился вишап, и если да, то прикончить его на месте. А тот самый чудака, что твердил о существовании водного дракона, взялся возглавить мужчин и даже вступить в единоборство с чудовищем. Провожать смельчаков вышла вся деревня. Кто-то с тревогой смотрел в след уходящему брату или отцу, а кто-то сгорал от нетерпения посмотреть на поверженного вишапа. И вот искатели тронулись в путь, шли они долго, днями-неделями, и, наконец, остановились у подножья суровых отвесных скал, где брал своё начало источник. Сложили они свои лопаты и кирки, сели и призадумались, что делать дальше.

Увидел чудака, что люди опустили руки в нерешительности и сказал им:

– О нет, братья, не время нам сейчас отдыхать, не время думать думать, пока ненасытный вишап еще жив. Все и так ясно. Здесь родился вишап, который осушил нашу реку и обрек нас на верную смерть. Берите кирки и лопаты, копайте и подымите его из глубины! Надо вытащить его скорее и отрубить ему голову! Подымайтесь и беритесь за дело!

– Но погоди, – заговорил один из них, – может быть, надо считаться и с нами? Мы устали в дороге и хватит ли теперь у нас сил разделаться с вишапом? Может быть, он такой громадный и такой могучий, что разом всех нас проглотит?

– Да, ты прав, – согласился чужак, – когда дракон только родился, то прикончить его было гораздо легче, чем сейчас. Теперь он огромен и силен. У него теперь и брюхо больше и прожорливая пасть шире, нелегко будет уничтожить его, боюсь, что не обойдется без жертв и кровопролития.

– Вот видишь, – сказал кто-то из крестьян, – стало быть, надо хорошенько подумать и как следует подготовиться к схватке с таким чудищем.

– Да, но пока вы будете думать, вишاپ станет еще сильнее и окончательно осушит реку. Он растет и крепнет с каждым часом, даже с каждым мгновением.

– Ну и что, всё равно надо подумать, обмозговать... – возразили ему сельские и не сдвинулись с места. Чужак остался один. Никто его не послушал. Тогда он взял лопату и кирку, пробрался к недрам горы и начал в одиночку искать логово водного дракона.

Крестьяне, рассеявшись в сторонке, улыбались, наблюдая за ним.

– Если там и вправду засел вишاپ, – усмехнулся один из них, – то он сейчас как дыхнет из глубины и одним своим дыханием погубит нашего сумасброда.

– Вот будет потеха! Посмотреть бы, как перекосятся у него лицо, когда он нарвется на вишапа.

А чужак все копал, нетерпеливо вгрызаясь в каменную твердь. От ударов его кирки гудела гора, вздрагивала земля, а из недр скалы доносилось глухое рычание и, чем чаще становились удары кирки, тем отчетливее был слышен рык вишапа.

– О, ужас! Это чудище! – в испуге воскликнули крестьяне и попятились назад.

– Осторожней, братцы, – предостерег один из них, – давайте встанем подальше и посмотрим, как вишاپ расправится с нашим сумасбродом.

– Вишاپ разорвет его в клочья! – сказал второй.

– В два счета его растерзает – слышите, какой рев доносится из-под земли.

Рычание разбуженного дракона и впрямь становилось громче и свирепее. Но чужак-смельчак продолжал ловко орудовать киркой, разбивая валуны и каменные глыбы, прокладывая путь к логову чудовища. Он работал весь день до самого вечера, а когда стухли сумерки, разбил последнюю скалу, прикрывавшую вход в пещеру дракона, и в этот миг его едва не оглушил яростный рев вишапа.

Крестьяне с ужасом и трепетом наблюдали издали, никто не осмеливался сделать шаг вперед, прийти на помощь смельчаку. Каждый из них так испугался за свою жизнь, что согласен был жить без воды, голодать и нищенствовать, лишь бы не гневить вишапа. А он высунул свою уродливую голову с огромной пастью, заревел и снова жадно припал к иссыхающему источнику, раздуваясь у всех на глазах. Капли воды стекали с его отвратительной пасти и смешивались с омерзительной слюной. Тогда чужак занес над его головой кирку, а дракон начал вращать своими выпученными глазами и ужасно реветь.

– Уйди, безумец, не то я уничтожу тебя! Тебе со мной не тягаться! Знаешь, скольких я проглотил смельчаков на своем веку? Ступай прочь, глупец! Такие, как ты, чудаки время от времени находят меня, но уничтожить не могут. Один в поле не воин. Покончить со мной вы могли только все вместе, но твои друзья, как я вижу, в ужасе трясутся у моих ног, – пророкотал дракон и снова припал к воде.

В ответ чужак со всей силой метнул кирку в его огромную голову. Кирка взвилась-полетела и лишь царапнула чудище по голове, но, с силой стукнувшись о каменные глыбы, разнесла их на куски, осколки разлетелись во все стороны и ранили стоявших в стороне крестьян. Крестьяне рассердились, подняли с земли камни и стали кидать их в храброго чужака.

Вишاپ разразился громовым хохотом:

– Вы сами сейчас видели, люди? Этот безумец ополчился против меня, а навредил вам. Забрасывайте и впредь таких чужаков камнями, чтобы они не сбивали вас с толку, они ваши враги, а не я. Я, наоборот, ваш благодетель, кормилец и поилец. Вижу, что вы пришли меня

задобрить. Что ж, хорошо и я не обижу вас. Обещаю, что буду к вам благосклонен, жаждой не замучу. Сами видите: из моей пасти стекает немного воды, вам ее хватит, чтобы не умереть от жажды. Трепещущие от страха крестьяне смиренно выслушали лукавую речь вишапа. А потом забросали чудака камнями, изгнали его далеко в горы и, встав на колени перед вишапом, поблагодарили его за щедрость и, счастливые, вернулись домой.

– Обещаю, – клялся им в след дракон, – не оставлю вас без воды, я даже готов чуточку приоткрыть пасть, когда вы начнете умирать от жажды. Обещание свое вишап выполнил и выполняет по сей день, иногда приоткрывая пасть и облегчая участь тех, кто, томим нестерпимой жаждой.

С того дня народ стал почитать вишапа как своего благодетеля, возводить в его честь храмы, а восстающих против него чудаков загонять в горы, к самым вершинам...

Тут бы и сказке конец, но в один прекрасный день какой-то чудаков объявил, что во сне ему приснилось, будто близок конец вишапа и он даже видел того, кто победит чудовище. Это был великан в кожаном фартуке с огромным молотом в могучих мозолистых руках. Он исполинскими шагами шел к дракону, и тот, услышав его тяжелую поступь, съежился и попытался спрятаться поглубже... Словно боялся...

СЫН ЛЬВИЦЫ

Во времена давно минувшие жил на свете один царь. Как-то пришел к нему придворный охотник и говорит:

– Долгих лет жизни тебе, мой повелитель! Сегодня я охотился в нашем лесу и вдруг вижу: что за диво?! Львица и мальчик лет семи играют вместе, как мать и дитя. Я прицелился в львицу и хотел поразить ее стрелой, но потом испугался, что могу попасть в ребенка или ранить львицу, и она в ярости нападет на меня. Поэтому я притаился, а когда они скрылись в чаще, пришел к тебе.

Изумился царь и велел отнять ребенка у львицы и доставить во дворец. Тогда несколько тысяч воинов окружили лес, прогнали львицу, а мальчика попытались поймать, но не тут-то было. Ребенок оказался проворен и силен не по годам. Он рычал, как лев и царапался своими длинными-предлинными когтями. Лишь десять стражников смогли справиться с ним. Они связали его и привезли во дворец. Красивый и сильный мальчик, как хищник, озирался исподлобья, его огромные умные глаза светились гневом, волнистые волосы, расчесанные когтистой лапой матери-львицы, рассыпались по плечам, как грива, он был гибок и силен, но совсем не мог говорить и только рычал и царапался.

Убедившись, что его не удержать на воле, царь велел посадить ребенка на железную цепь и приручать постепенно. Так и сделали. Слуги, которые приносили ему еду прозвали мальчика Аслан-бала или «львенок», а царский сын Вург, его ровесник, дал пленнику имя Арсен – «мужественный». Царевич каждый день приходил к мальчику-львенку, часами просиживал рядом, ухаживал за ним, кормил и поил, а тот ел и пил, за семерых. Однажды Вург даже принес ему зеркало, чтобы Арсен увидев своё отражение, понял, что он не зверь, а человек.

– Львица выкормила тебя молоком, как своего детеныша, потому что ее львенок погиб, – говорил ему царевич, но вот как ты оказался один без матери в глухом лесу, неизвестно.

Вскоре Арсен перестал царапаться и рычать, присмирел и так привязался к Вургу, что полностью покорился ему. Вург снял с него цепи, выкупал, причесал, постриг длинные ногти и надел на мальчика-львенка такую же, как у него, одежду; царевич научил его говорить, петь и всему тому, что умел сам. Не прошло и трех месяцев: Арсена было не узнать, и всякий, кто видел его, никогда бы не подумал, что этот мальчик вырос в диком лесу и совсем не умел говорить. Он на лету схватывал всё, чему его учил царевич, но при этом не забывал того, чему его научила приемная мать-львица. Его слух, зрение, обоняние были развиты в десять, а то и в двадцать раз сильнее, чем у обычного ребенка, а сердце без труда различало добро и зло. Он умел «видеть» сердцем. Когда другие, пытаясь понять свои чувства, говорили: «сердце подсказывает», «сердце чувствует» или «сердце не лежит», он молчал, но его предчувствия были глубже и мощнее, чем у них.

Царевич и мальчик-львенок всё больше времени проводили вместе, и теперь царский сын многому учился у своего друга. Арсен закалил его тело и дух. Выросший в лесу он любил играть и бегать, дворец казался ему тюрьмой, поэтому он часто уходил в горы и брал с собой Вурга.

Так прошли годы, юноши достигли совершеннолетия: Арсен из дикаря превратился в человека, а робкий, изнеженный царевич под его влиянием стал сильным, ловким, бесстрашным и храбрым.

И вот однажды шли Арсен и Вург по берегу реки, а навстречу им – девушки с кувшинами воды. Посмотрели на них юноши и вдруг видят: идет среди красавиц одна старуха с худым, морщинистым лицом. Проходя мимо царевича, она косо посмотрела на него. Не понравился ему этот недобрый взгляд.

– Дай-ка я разобью кувшин этой старухи, – сказал царевич и, не дожидаясь ответа друга, швырнул ей вслед камень, камень попал в кувшин и разбил его, вода облила старую женщину с ног до головы.

Старуха оглянулась и, увидев, что этот озорник – сын царя, сказала:

– Как тебя проклясть, сынок?.. Увидеть бы мне, как тебя охватит пламя любви к красавице Антес-Аинман, как ты будешь сгорать и мучиться из-за нее, тогда мое сердце успокоится.

Проклятье старухи, словно стрела ангела любви, вонзилось в сердце Вурга. С этого дня царевич стал грустить и худеть. Если раньше он был неразлучен с Арсеном, то теперь в одиночестве скитался по горам и лесам, тихо скорбел и плакал, звал Антес-Аинман, стремился к ней всем сердцем, воспевал ее в песнях. Антес-Аинман, которую он никогда не видел, представляла в его видениях во всей своей неземной красоте. В такие минуты он закрывал глаза, падал на колени и был так влюблен, что порой лишался чувств. Вот какую испепеляющую страсть наслала на него обиженная старуха.

Арсен видел, как страдает его друг, и однажды сказал ему:

– Брат мой, я вижу, как ты изводишь себя. Не скрывай от меня свою страсть. Какой же я друг, если не смогу помочь тебе? Давай отправимся на поиски твоей возлюбленной! Лучше погибнуть с надеждой, чем зачахнуть в бездействии. Проклятье старухи на самом деле было не проклятьем, а благословением свыше. Иначе ты никогда бы не узнал такой страстной любви и не мечтал овладеть самой прекрасной девушкой в мире...

Эти слова друга так растрогали царевича, что он в слезах бросился к нему в объятия.

– Арсен, друг мой, – воскликнул он, – как ты великодушен! Я не хотел, чтобы ты тоже страдал из-за меня, делил со мной мою душевную боль. Ведь ты-то ни в чем не виноват! Кувшин разбил я, старуха прокляла меня и мучиться должен я один... Но я уже совсем обессилел. Да и что я могу сделать без тебя? Я сейчас не могу ни о чем думать, не могу действовать. Отныне всё в твоих руках: мое заветное желание, моя жизнь и смерть – стань моей путеводной звездой.

– Не смерть, а жизнь и только жизнь, – ответил ему Арсен. – Соберись с силами, друг, мы вскоре отправимся в путь. Пришло время проявить себя, показать, на что мы способны. Иначе на что мы сгодимся? Землю не пашем, скот не пасем и не воюем с врагом. Зачем же мы живем на свете? Я и сам не знаю. Настоящий мужчина всегда должен иметь цель в жизни.

– Но разрешит ли мой отец нам покинуть дом? Как ему сказать, что мы отправляемся за красавицей?

– Скажем, друг, обязательно скажем. Знаю, что он не разрешит, будет отговаривать нас от этого трудного путешествия, но, в конце концов, сам укажет нам верный путь.

Этот разговор случайно услышала младшая сестра Вурга. Своей красотой она блистала во дворце, как звезда в небе, ее так и звали Астхик, то есть «звездочка». Царевна любила Арсена так же сильно, как ее брат любил Аинман. Поэтому узнав о том, что ее возлюбленный вот-вот покинет дом, царевна бросилась к отцу и стала умолять его не отпускать Арсена и Вурга в опасное путешествие.

– Отец, ведь еще никто не вернулся от Аинман? Уговори их, чтобы они не делали этого, – умоляла Астхик. Разве можно влюбиться в девушку, которую никогда не видел? Это просто безумие и больше ничего.

Тогда царь позвал к себе обоих юношей и сказал:

– Мне все известно. Сын мой, мне жаль тебя, я очень страдаю от того, что твоим сердцем овладела такая безумная страсть, но я не могу отпустить тебя. Из-за этой девушки погибли сыновья многих царей, были разгромлены целые армии, я и сам участвовал в этих сражениях, помогая другим. Живет она за семью горами, в Черной Крепости, а сторожат ее сорок братьев, один сильнее другого. Даже бесчисленное войско в сорок полков не смогло победить их. Когда братья выходят на бой, каждый из них вырывает с корнем по исполинскому дубу и бросает

вперед. Они сметаю войско с поля боя, как мы сметаем метлой солому. Не безумие ли это – вдвоем отправляться к этим великанам?

– Прости меня, царь, что я посмел спорить с тобой, – сказал Арсен. – Ни одна сила в мире не может сравниться с волей бога. Всё в его руках: кого захочет, он может сделать сильным или слабым, и даже могучего дэва – превратить в беспомощного младенца. Ты говоришь, что многие сражались за нее и бесславно погибли, но был ли среди них хоть один человек, вскормленный львицей? Кто мог внушить хищной львице такую жалость ко мне и такую материнскую любовь, если не бог? Разве был среди тех, кто погиб за нее, хоть один человек, в которого старуха своим проклятием или благословением вселила любовь? Может быть, мой повелитель, всё неслучайно в этом мире и раз мы оба владем тем, чего не было у других, возможно, мы добьемся большего?

– Складно ты говоришь, Арсен, – ответил царь, – ты можешь убедить в своей правоте любого и знаю, что тебе под силу любые чудеса, потому что твое детство, прошедшее в логове льва, – само по себе уже чудо. Но не забывай, все, что делают на земле жрецы или маги, они делают по воле и приказу царя. Ты можешь стать хоть верховным жрецом, но не пытайся обратиться меня в свою веру. Помни, мое слово – закон.

– Послушай, отец, – заговорил Вург, – если я не поеду, то умру от этой сердечной боли. Я уже был бы мертв, если бы не Арсен, который подарил мне надежду. Если ты не отпустишь нас, то я умру от отчаяния. Смилуйся надо мной, благослови нас и проводи в путь.

– Не слушай его, отец, – вмешалась Астхик. – Еще никто на свете не умер от любви. Безумие нашло на брата от безделья. Объяви войну царю Андасу, пусть брат пойдет в бой и его любовный бред сразу развеется...

– Сестра, дорогая моя сестра, что ты говоришь! – вскричал Вург.

– Брат мой, дорогой брат, я забочусь только о тебе, – ответила сквозь слезы Астхик.

И тут царевич Вург догадался, что его сестра также пылко влюблена, как и он сам, и если ради его любви надо было уехать, то ради ее любви – остаться здесь.

– Пойдем, – сказал Арсен. – Мы вверимся божьей воле, как он распорядится, так мы и поступим, – и вдруг воскликнул:

– Решено! Нам надо ехать, непременно надо ехать... Я не буду считать себя достойным любви Астхик, пока не исполню заветное желание ее брата. Кто я, кто моя мать?... Аслан-бала, дитя льва... Пока это лишь пустой звук... Что я сделал? Чем я подтвердил своё громкое имя? Чем доказал, что вскормлен молоком львицы?... Нет, значит, не вскормлен я молоком львицы, если до сих пор здесь... Поехали, поехали, Вург!.. Еще неизвестно, кто из нас двоих влюблен сильнее и перед кем из нас стоят непреодолимые препятствия. Поедем, друг, поедем, обретем крылья любви и вознесемся на них в небеса... И будь, что будет, когда мы окажемся у ворот Черной Крепости...

Друзья пошли в оружейную, каждый выбрал себе доспехи и волшебный меч, разрубающий камень и железо, а потом стали седлать коней.

– Мы уезжаем на охоту, – объявили юноши во дворце и умчались прочь. Прошел день, два, неделя, месяц, и только тогда все поняли, куда на самом деле отправился царевич со своим верным другом.

Тем временем в Черной Крепости за семью горами братья прекрасной Антес-Аниман устроили большой свадебный пир. Они одержали новую победу в бою: снесли головы семи страшным дэвам, освободили из плена семь девушек и теперь каждый из них женился на своей красавице. Их было всего семь братьев, хотя люди, зная об их подвигах, думали, что их не меньше сорока. Как бы там ни было, все братья на свадьбе были веселы и довольны, и только их единственная сестра Антес-Аинман грустила.

– Отчего ты грустишь, сестра моя? – спросил старший брат. – Посмотри, у тебя есть семь братьев и все семеро готовы сложить головы ради тебя, а теперь еще и семь прекрасных неве-

сток, они готовы стать твоими служанками, хотя все дочери великих князей и царей. Скажи нам, что томит тебя, и мы исполним любую твою прихоть.

– Я и сама не знаю, почему грустна, – вздохнула Аинман, – этой ночью мне приснился странный сон, наверное, от этого моя печаль...

– Что же тебе приснилось? Скажи нам.

– Во сне я видела двух ангелов – один красивее другого. Они спустились с небес, первый держал в руках меч, а второй – букет цветов. Один ангел занес свой сверкающий меч над вашими головами, а другой протянул мне свой благоухающий букет. Сквозь сон я услышала, как под моим окном щебетали птички: «Вург-Вург-Вург». Услышав это щебет, я проснулась и вдруг поняла, что пташка назвала имя того ангела, который принес мне букет во сне. Как он был красив, как красив! – сказала Аинман и в слезах ушла со свадебного пира в свои покои.

– Наша сестра видела вещий сон, – проговорил старший брат. – Если тот, кто ей приснился, придет сюда, мы будем побеждены. Блеск его меча над нашими головами предсказывает нам поражение.

– А, может быть, пора и нашей сестре обрести своё счастье? – сказал младший брат. – Сколько мы крови пролили, оберегая ее. Отныне тому, кто посватается к ней, окажем почет и уважение.

– В этом ты прав, – сказал третий брат, – но если тот, кто придет, окажется не Вургом? Неужели мы должны отдать сестру за первого встречного?

– Нет, нет, – хором заговорили все братья, – пусть над нашей головой сверкает меч, но наша сестра выйдет замуж только за того, кого выберет сама.

Сказали это семь братьев, но в сердце каждого из них закрался такой страх, какого они никогда не испытывали прежде.

А двое верных друзей были уже совсем близко. Шли они семь дней, встречали в пути и зло, и добро, слышали немало об опасностях, которые их подстерегают, но бесстрашно продолжали свой путь, пока не достигли Черной Крепости.

Черная Крепость возвышалась на вершине могучей горы, со всех сторон покрытой густым лесом. Вург и Арсен смело поскакали вперед и остановились у родника, который бил в усыпанной цветами долине. Крепость была совсем рядом, и усталые путники сошли с коней.

– Ты собери хворост и разведи костер, – сказал Арсен, – а я спущусь в ущелье, может, раздобуду что-нибудь на обед. Видишь, сколько здесь следов, должно быть, это хорошее место для охоты.

Арсен ушел, а Вург вместо того, чтобы собрать хворост, стал срывать цветы и сделал прекрасный букет. Вернулся Арсен с огромным кабаном на спине и спрашивает друга:

– А где же огонь?

– Огонь в моем сердце, – ответил Вург. – Посмотри, какой красивый букет я сделал для моей Антес.

– Эх ты, друг, не видя воды, ты уже приготовился плавать? Ну, что ж, тогда подойдем поближе к крепости и там разведем костер, чтобы нас скорее заметили. Посмотрим, что нам там скажут.

– Пойдем скорее! И будь, что будет! – нетерпеливо воскликнул влюбленный царевич.

Поднялись они еще выше и развели огромный костер у самой крепостной стены, целого кабана насадили на длинный шест и стали жарить. Арсен так поступил неспроста, он хотел, чтобы в крепости подумали, что пришли не простые люди, а два великана, если они готовы съесть целого кабана.

Как только дым от костра поднялся высоко в небо, семь братьев заметили его, и один из них вышел из Черной крепости, чтобы узнать, кто к ним в гости пожаловал.

– Смотри, к нам кто-то идет, – сказал Арсен, – держись с достоинством, подобающим царскому сыну, и при случае давай мне приказания, чтобы все поняли, что ты – мой господин, а я – твой слуга.

В это время к ним подошел человек невиданного роста. Хотя Арсен и Вург сами были высокими и широкими в плечах, незнакомец выглядел как настоящий великан.

– Кто вы такие? Зачем сюда пожаловали? – проревел великан издалека. Арсен махнул ему рукой, мол, подойди к костру, посмотрим, чего ты хочешь.

Великан подошел ближе и, когда увидел, что они жарят огромного кабана, то испугался, но не показал свой страх и грозно спросил, как они осмелились охотиться в их краях. В ярости великан наклонился к огню, чтобы взять вертел и отшвырнуть его вместе с добычей подальше, но Арсен ловко схватил непрошеного гостя за ворот и швырнул его так далеко, что великан покатился, как бревно. Рассвирепев, он встал и мертвой хваткой вцепился в Арсена. А тот, уже испытавший силу великана, схватил его за уши, головой ударил о землю и исполин рухнул перед храбрецом на колени. Тогда Вург расстегнул крепкий кожаный пояс великана и связал им его руки. Поверженного великана друзья привязали к толстому дереву, а сами сели обедать.

– Хорошее начало, – улыбнулся Арсен, – посмотрим, каким будет конец, а затем, обернувшись к великану, сказал: – Мы приехали к вам в гости, а вы так принимаете своих гостей? Хочешь, дадим тебе кусок мяса? На, поешь.

С этими словами он поднес ко рту великана большой кусок мяса.

– А вы, значит, так угощаете своих гостей? – нахмурился великан. – Сначала развяжите меня, а уж потом приглашайте к столу.

– Ну, а потом? Ты даешь нам слово, что не убежишь и не позовешь своих братьев? – спросил Арсен. Даже если дашь слово, кто тебе поверит? Но чтобы ты убедился, что мы добрые люди, посмотри на этот меч, одним ударом я мог бы снести тебе голову, но я дарю тебе жизнь, потому что этого желает мой повелитель, он не велел мне проливать кровь.

Тут двое друзей заметили, что к ним приближается еще один великан. Когда он увидел своего брата привязанным к дереву, его охватил страх, и он рассвирепел еще больше, чем первый, и, не спрашивая ни о чем, сразу же набросился на царевича и его спутника. Арсен ловко прикрыл своего друга, выскочил вперед, схватил за уши второго великана и тоже поставил его на колени:

– Сначала поклонись, а потом дерись, – сказал он второму великану, – мы не простые земные люди, а ваши ангелы смерти.

Услышав это, второй брат, задрожал, как заяц, угодивший в лапы охотничьего пса. Он был так напуган, что позволил себя привязать к дереву рядом с братом. Затем к костру по очереди пришли третий, четвертый, пятый, все семеро исполинов.

– А где же ваши остальные братья? – вскричал Арсен, когда был самый старший из великанов. – Что же они не идут к вам на помощь?

– Нет у нас больше братьев, – ответил старший великан, – нас всего семеро.

– Очень хорошо, – сказал Арсен, – тогда какой вы нам дадите выкуп за своё освобождение? Вы сами видите: ваша жизнь в наших руках и одного моего удара достаточно, чтобы снести вам головы. – И Арсен поднял над их головами свой сверкающий меч...

Но тут он услышал прекрасный голос:

– О, пожалейте, пожалейте, моих братьев, это не вы победили их, а судьба.

Арсен оглянулся и увидел, что к ним спешит девушка с белым покрывалом на лице.

– Ну, теперь пришло время тебе действовать, – сказал Арсен царевичу.

– О небо, помоги мне! – воскликнул Вург, с букетом в руках он подошел к девушке и, преклонив колени, сказал:

– О, моя Антес-Аннман, возьми у меня этот букет, вместе с ним я вручаю тебе свое сердце и душу.

– Я приму этот дар, потому что вручает мне его Вург.

– Откуда ты знаешь мое имя, любимая? – удивился царевич.

– Мне назвали его птицы небесные, – ответила девушка и, откинув покрывало с лица, сказала – а вот тебе мой дар – моя красота. Увидев, как прекрасна Аинман, царевич с трепетом в сердце едва смог обнять ее и поцеловать, но от любви оба лишились чувств.

– Мой друг испытал сейчас сладость единственного счастливого мгновения человеческой жизни. Даже если после этого нас убьют, не беда, жизнь прожита не зря, – сказал Арсен, со слезами радости на глазах подошел к привязанным братьям-великанам и освободил их.

Великаны решили в тот же день выдать свою единственную сестру замуж. Один из них побежал в крепость, чтобы подготовить свадебный пир, а остальные окружили храброго Арсена и, восхваляя его отвагу, пригласили в свой замок. Позади всех шли счастливые Вург и Аинман, они то и дело останавливались, любовались друг другом и рассказывали о своих мечтах и сновидениях.

Свадебный пир продолжался в Черной Крепости три дня, три дня великаны не отпускали храбрецов, каждый день устраивая в честь них новое торжество, а через три дня проводили их с щедрыми дарами и богатым приданым.

А когда царевич с невестой возвратился домой, во дворце сыграли две свадьбы одновременно: Вурга и Антес-Аинман, а также его верного друга Арсена с Астхик. Во время этой свадьбы прямо с неба упали три яблока, но на этот раз яблоки предназначались не для тех, кто рассказывал и слушал. Одно яблоко было для верных и храбрых, второе – для верующих и добродетельных, а третье – для любящих.

Счастье бедняка

Давно это было. В одном селении жили муж и жена, и были они так бедны, что часто им нечем было накормить даже своего единственного сына.

Однажды жена сказала мужу:

– Ах, муженёк, никак нам не вырваться из нищеты! Сходил бы ты в другие селенья и города, может быть, там ты сумеешь заработать хоть что-нибудь на жизнь.

Муж собрался и пошёл искать работу. Вот пришел он в один зажиточный дом и нанялся сторожить яблоневый сад.

Рядом построил себе маленький домик и поселился там. Только бедняк обосновался на новом месте, как пришла к нему бездомная кошка, ласковая и звонкая. Приютил ее бедняк, так и прожили они вдвоем всё лето. Наступила осень. Пospели яблоки, и хозяин сада расплатился с бедняком за его труды большим мешком яблок. Поблагодарил его бедняк и хотел было отправиться назад, как вдруг видит: едет мимо купец, его давний знакомый. Поклонился ему бедняк и говорит:

– Здравствуй, сосед. Вот заработал я мешок яблок, да ещё кошку нажил, возьми всё моё имущество и передай моей жене.

– Хорошо, – говорит купец. – Передам на обратном пути. Только сначала распродам свои товары в чужих краях.

Прибыл купец в одну далекую страну и видит: всего там вдоволь, и каких только чудесных плодов нет, вот только яблоки совсем не растут. Как увидели жители этой страны у купца целый мешок яблок, стали его упрашивать продать им диковинку. Купец сначала отказывался, а потом согласился. Продал он мешок яблок по яблочку и получил за него целый мешок золотых монет. Погрузил купец золото на свою повозку и отправился дальше.

Приехал он в другую страну и сразу повез свой товар в царский дворец. Вошел во дворец и видит: беда в царских покоях, повсюду бегают полчища мышей, и нет от них никакого спасения.

– Что ты дашь мне, повелитель, – сказал купец царю, – если я избавлю тебя от этих мерзких тварей?

– Мешок золота даю! – обрадовался царь.

Тут купец выпустил из своего мешка голодную кошку, и она быстро переловила всех мышей.

Поблагодарил царь купца, дал ему целый мешок золота, и купец, довольный отправился в обратный путь.

Приехал в родное село и передал жене бедняка два мешка золота:

– Вот, хозяйка, – сказал купец, – забирай золото, всё это прислал тебе твой муж.

Бедная женщина, увидев такое богатство, растерялась:

– А не сказал ли мой муж, что мне делать со всем этим богатством? – спросила она у купца.

Купец улыбнулся в ответ, вспомнив голодную кошку и яблоки, и сказал:

– Нет, ничего не сказал твой муж, так что поступай с этим богатством, как хочешь.

Жена бедняка выстроила на эти деньги роскошный дом и отдала сына учиться.

Прошло пятнадцать лет. А бедный крестьянин за все эти годы сумел заработать только три золотых монеты. С ними и отправился он домой.

По дороге пришлось ему заночевать у одного крестьянина. И случилось так, что у него в доме в тот вечер, был семейный праздник. Вошел бедняк в крестьянский дом и видит: сидят за столом гости, пьют и едят и весело болтают между собой, и только один человек за столом ничего не ест, не пьет и всё время молчит.

– Почему этот гость молчит? – спросил бедняк у хозяина дома.

– Да, ну его, – махнул рукой хозяин. – У него каждое слово на вес золота.

Изумился бедняк и достал один из трех своих золотых.

– Вот, – говорит, – золотая монета для него. Пусть скажет хоть что-нибудь.

Поглядел молчун на бедняка и произнес:

– Дважды не умирают. Не бойся глубины.

Ещё больше удивился бедняк: что это молчун имел в виду? Достал бедняк вторую монету.

– На, – говорит, – тебе ещё золотой, говори ещё.

– Лучше всех та, которую всей душой любишь, – промолвил молчун.

– Эх, будь что будет! – сказал бедняк. – Уж очень складно ты говоришь. Вот тебе моя последняя монета.

– Как чихнёшь, не спеши, стой, подумай, – подытожил молчун.

Ничего не понял бедняк из этих слов, лег спать, а наутро проснулся опять бедняк бедняком без гроша в кармане и отправился дальше.

Дошёл он до одной деревни и видит: весь народ собрался у колодца.

– Что вы тут делаете? – спросил бедняк.

– Беда у нас, незнакомец, страшная беда, – ответили ему из толпы. – Пересох наш колодец, воды осталось всего несколько кувшинов на самом дне. Да только любой, кто спускается в колодец за водой, назад не возвращается. Скоро мы все умрём от жажды. Попробуй, прохожий, может быть, тебе удастся достать воду. Если достанешь, каждый из нас даст тебе по золотой монете.

Вспомнил бедняк слова молчуна и говорит: – Дважды не умирают. Не боюсь я глубины. Полезу в колодец!

Спустился он в колодец, набрал воду с самого дна, хотел уже подняться наверх, вдруг кто-то схватил его за подол и не отпускает.

Обернулся бедняк и что же он увидел? В углу человеческие головы в кучу свалены, рядом стоит большой стол, и сидят на нём ворон и лягушка. Вдруг ворон говорит человеческим голосом:

– Ну, раз ты сюда пришёл, отвечай на мой вопрос. Не ответишь как надо – голову отрублю.

– Спрашивай, – сказал бедняк.

– Видишь вот эту лягушку? Стоит ли мне на ней жениться?

Вспомнил бедняк слова молчуна и отвечает:

– Лучше всех та, которую любишь всей душой.

Только он это проговорил, как у него на глазах стали ворон и лягушка расти и раздуваться. Вдруг лягушачья кожа лопнула, оперенье ворона разлетелось в разные стороны и превратились ворон и лягушка в прекрасных юношу и девушку.

– Ты освободил нас от колдовства, – воскликнул юноша. – Спасибо тебе, и в награду прими от нас сундук золотых монет.

Вылез бедняк (а был он уже теперь не бедняк) из колодца, вытащил свой сундук и большой кувшин воды. Протянул воду людям, и тут случилось чудо: пересохший колодец снова до краев наполнился водой. Обрадовались жители селенья и щедро расплатились со своим спасителем.

А крестьянин отправился дальше и вскоре пришел в родное село. Видит, на месте его бедной лачуги стоит роскошный дом, а вокруг него пышный сад расцвел. Заглянул он в окно, а в доме его жена какого-то молодого гостя угощает и ласково с ним беседует.

«Ах, вот оно что! – подумал бедняк. – Значит, пока я трудился в поте лица на чужбине, моя жена за богатого замуж вышла? Сейчас я им покажу!»

И выхватил ружьё. Прицелился и только хотел выстрелить, как неожиданно чихнул. Вспомнил тут крестьянин последние слова молчуна. Остановился, задумался и вдруг слышит, как молодой человек говорит:

– Эх, мамочка моя, нани-джан, что-то от нашего отца совсем вестей нет? Я по нему так соскучился.

А жена отвечает:

– Ай, сыночек, бала-джан, и я все глаза по нему выплакала! Так мне хочется, чтобы он вернулся и посмотрел, какой у него сын вырос!

Тут муж всё понял, распахнул двери, вбежал в дом и бросился обнимать жену и сына.

А потом до конца своих дней благодарил себя за то, что не пожалел последних денег за умные слова.

Вот так пришло к нему счастье, пусть придёт оно однажды и к вам.

Красавица без рук

Жили на свете брат и сестра. Брат в своей сестре души не чаял, славная и добрая была девушка, а какая красавица: глаза ясные, как небо, косы золотые, как солнечные лучи. Так все ее и звали «лучик света» или по-армянски Лусик.

Пришло время, женился брат и привёл в дом молодую жену. А жена брата, как увидела красавицу Лусик, так чуть не умерла от зависти. Затаила она на девушку лютую злобу и стала думать, как бы ей от нее поскорее избавиться. Лусик работает весь день, не покладая рук, а жена брата от этого еще больше злится, ворчит и соседям на нее жалуется. Нелегко стало жить девушке в родном доме, нет-нет, да и заплачет украдкой от обиды и несправедливости. Заметил брат, что опечалилась его милая сестрица, и стал еще больше о ней заботиться: то похвалит, то букетик цветов принесет, а то и платье новое на ярмарке купит. От этой доброты Лусик снова светилась, как солнечный лучик, а жена брата становилась мрачнее тучи.

И задумала она отомстить Лусик. Ушел как-то муж на работу, а она, бессовестная, всю посуду в доме перебила, муку и крупу рассыпала, вещи в ключья разорвала и по полу разбросала, а сама встала у двери, скрестила руки на груди и стала ждать возвращения мужа.

А как увидела коварная жена, что муж домой возвращается, стала руки заламывать и заголосила на всю округу:

– Горе нам, горе! Посмотрите, люди добрые, всё, что у нас в доме было, пошло прахом, всё погубила эта Лусик, разорила нас, по миру пустила!

– Не плачь так горько, жёнушка дорогая, – успокоил ее муж. – Вещи не стоят твоих горьких слез. Подумаешь – тарелка разбилась, мы, другую купим. Но если разобьётся сердце Лусик, то другого такого на свете потом не сыщешь.

Закусила губу злобная жена, поняла, что её коварный замысел провалился. На другой день снова ушел муж на работу, а злая жена взяла его любимого коня и отвела на дальние луга и там оставила.

А сама вернулась домой, встала у двери, скрестила руки на груди и стала дожидаться возвращения мужа. А как увидела, что муж возвращается, стала руки заламывать и снова заголосила на всю округу:

– Горе нам, горе! Посмотрите, люди добрые, что творится! Муженек мой дорогой, твоя ненаглядная сестричка повела на пастбище любимого коня твоего и потеряла его на дальних лугах. Так она совсем развалит наш с тобой дом! Разорит нас и по миру пустит!

– Это не беда – успокоил ее муж. – Это всего лишь конь. Если он пропал, то я еще больше буду работать, заработаю денег и куплю другого. А разве можно купить другую сестру?

Поняла коварная женщина, что не посорить ей брата с сестрой, и пришла в неопишемую ярость. От злости разум ее совсем помутился, и решила она на ужасное преступление. В одну из ночей она... убила своего собственного ребёнка, спавшего в колыбели, а окровавленный нож подложила Лусик под подушку, а затем принялась рвать на себе волосы и выть:

– О, горе нам, горе! Моё дитя, моё невинное дитя ненаглядное!

От этого крика проснулись брат и сестра среди ночи и видят: младенец убит в колыбели. Сердца их едва не разорвались от горя.

– Кто это сделал?! Кто поднял руку на беззащитного ребенка?! – причитала жена. – Ведь в доме, кроме нас троих, никого не было. Давайте поищем кругом, может, мы найдём орудие преступления и догадаемся, кто убийца!

Стали они искать убийцу. И вдруг под подушкой Лусик, обнаружили окровавленный нож. Это было невероятно, но это было именно так!

– Ага! Вот кто это сделал! Это всё твоя ненаглядная сестра! – закричала злая жена, обливаясь слезами.

Она рвала на себе волосы, раздирала ногтями лицо до крови и выла сквозь слёзы не своим голосом:

– О, моё дитя, кровиночка моя! О, единственное моё дитя! Злодейка погубила твою невинную душу!

Утром страшная новость облетела всю округу. Люди были возмущены таким страшным преступлением и требовали сурово наказать убийцу. Мать погибшего ребёнка рыдала и зывала к правосудию. Несчастную, невинную Лусик заключили в тюрьму. Вскоре судья вынес страшный приговор: отрубить Лусик обе руки. И вот отрубили ни в чем неповинной девушке обе руки, отвезли ее подальше от людей и оставили в диком лесу на верную смерть.

Заметалась несчастная Лусик в чаще, продираясь сквозь заросли и бурелом, в клочья изодрала всю свою одежду. Комары нещадно кусали ее, а лесные пчёлы больно жалили, – у бедняжки теперь не было рук, чтобы отогнать их. Наконец, Лусик нашла себе убежище в большом дупле старого дерева и, совсем обессилив, уснула в нем. Разбудил девушку громкий лай собак. Открыла она глаза и видит: окружили дерево охотничьи псы, прыгают вокруг него и отчаянно лают. А рядом царевич со всею своей свитой на конях, ждут, когда собаки из дупла дикого зверя выгонят.

– Смилуйтесь, мой повелитель, – взмолилась девушка. – Не травите меня собаками, я – не зверь, а – человек.

– Если ты человек, тогда выходи из дупла, – сказал царевич.

– Я не могу, выйти, мой повелитель, моя одежда изорвана в клочья, мне стыдно.

Царевич спрыгнул с коня, скинул с себя плащ и дал его одному из своих слуг, чтобы тот отнёс его к дереву.

Завернулась Лусик в царский плащ и выбралась из своего убежища. Она была так прекрасна, что все, кто был с царевичем на охоте, ахнули. А сам царевич полюбил ее с первого взгляда.

– Кто ты, красавица, и почему прячешься здесь, в дупле этого старого дерева в глухом лесу?

– Я – самая обыкновенная девушка, – ответила Лусик. – А в дупле я живу, потому что больше у меня нет дома. Раньше были у меня и дом, и любимый брат, но его жена прогнала меня прочь.

– Я не брошу тебя в такой беде, – сказал царевич и увез Лусик с собой во дворец.

Привез он ее во дворец, представил родителям и велел готовиться к свадьбе.

– Сынок, не спеши жениться на первой встречной, – стала отговаривать его мать-царица. – На белом свете есть еще столько достойных девушек, богатых и красивых. Почему же ты хочешь жениться на девушке, у которой нет ни одежды, ни дома, ни даже рук?

– Да, ты права, мама, – отвечал царевич, – Но ведь это та самая девушка, которую я буду любить всю свою жизнь.

Созвали царь и царица во дворец всех своих мудрецов и спросили у них совета: разрешить ли сыну жениться на безрукой девушке или нет? Посоветались мудрецы между собой и сказали:

– Любовь к этой девушке вашему сыну ниспослана свыше. Богу угоден их союз.

Услышав их ответ, царь и царица женили своего сына на Лусик.

Свадебный пир длился семь дней и семь ночей. А через некоторое время после свадьбы пришлось отправиться царевичу в дальние края. Уехал он, а у Лусик вскоре родился красивый мальчик с золотистыми, как солнечные лучики, волосами. Царь и царица не могли налюбоваться на своего внука и поспешили обрадовать своего сына. Написали они царевичу письмо и вручили гонцу, да наказали, чтобы тот поскорее его доставил. Отправился гонец с радостным известием. Долго ли, коротко ли он ехал, и вот как-то пришлось ему остановиться на ночлег в одном селении. И случилось так, что заночевал он как раз в том селении и в том доме, где когда-

то жила Лусик. Рассказал гонец хозяевам о большой радости, которая случилась во дворце, о том, что родила первенца молодая царица, что нет на свете ее прекраснее и добрее, глаза у нее ясные, как небо, волосы золотые, как солнечные лучи, всем хороша молодая царица, вот только рук у нее нет. Услышав рассказ гонца злая невестка сразу же догадалась, о ком идёт речь.

В полночь встала она с кровати, вытащила у гонца письмо и бросила его в огонь. А сама написала новое, которое и подсунула спящему гонцу. И вот что она написала: «После того, как ты покинул дом, твоя жена родила чудовище. Мы обещены перед всем народом и целым миром. Напиши, что нам теперь делать?»

Доставил гонец это письмо царевичу. Тот прочитал его и содрогнулся, но написал своим родителям такой ответ: «Значит, такова моя судьба. Я приму всё, что Бог мне даёт. Не осуждайте мою бедную жену и не обижайте её. Ждите моего возвращения». Отдал царевич новое письмо гонцу и гонец отправился в обратный путь. По пути он снова заночевал в том же селении и в том же доме, где когда-то жила Лусик. В полночь злая невестка снова незаметно вытащила письмо у спящего гонца, прочитала его, разорвала в клочья и написала такой ответ: «Привяжите ребёнка к груди моей безрукой жены и выставьте их прочь, чтобы к моему приезду их во дворце не было. А не сделаете, как я велю, то быть беде».

Когда царь и царица прочитали это страшное письмо, то сначала изумились, а потом зарыдали. Их сердца сжимались от горя жалости, когда они сообщили Лусик, что ей больше нет места во дворце. Но послушаться сына они не посмели. Вот привязали они ребенка к материнской груди и, плача, словно на похоронах, вывели их за ворота.

Убитая горем мать стала отправилась скитаться со своим ребёнком. Шла она через леса и поля, и, однажды, забрела в бесплодную и сухую степь.

Измученная жаждой Лусик совсем выбилась из сил. Вдруг видит, стоит перед ней колодец. Подошла она к нему, заглянула – вода совсем рядом. Но как только она наклонилась, чтобы попить, её маленький сын выпал из пеленок в колодец. Отчаянно закричала Лусик, как вдруг услышала, что кто-то за её спиной говорит:

– Не бойся, деточка, не бойся, дорогая. Достань ребёнка из колодца, спаси его.

Обернулась Лусик и увидела старца с длинной седой бородой до самого пояса.

– Как же я спасу ребёночка, отец – зарыдала Лусик. – У меня же нет рук!

– Ты вытащишь его оттуда! Ты сможешь сделать это. Есть! Есть у тебя руки. Протяни их к своему ребёнку.

Лусик нагнулась над колодцем и – о, чудо! Своими прежними руками она легко достала ребёнка из воды.

Царевич тем временем возвратился домой и видит: у ворот не встречает его любимая Лусик, а как узнал он, что его любимую жену и новорожденного сына по злему оговору прогнали из дворца, тотчас отправился на их поиски. Много дней искал он их повсюду, но всё напрасно, никто не видел Лусик с младенцем. И вот однажды повстречал царевич одинокого путника.

– Добрый день, путник – поприветствовал его царевич.

– Пусть Господь хранит тебя, – ответил незнакомец.

– Куда ты путь держишь?

– Я ищу свою сестру, – ответил путник.

– А я ищу мою жену и нашего сына. Может быть, мы вместе будем искать своих родных?

Путник согласился. И стали они странствовать по свету вдвоем. Странствовали не год, и не два и не три. Но так и не нашли тех, кого искали. И не было о пропавших никаких вестей, ни хороших, ни плохих до тех пор, пока путешественники не возвратились в родные края. Как-то остановились царевич со своим спутником на одном постоялом дворе. А его спутник и говорит:

– Пойду я, проведу свою дорогую женушку, которую не видел много лет. Я родом из этих мест, а живем мы в соседнем селении.

Пока царевич отдыхал, его попутчик сходил домой и вернулся назад со своей женой. Оказалось, что все эти годы вместе с царевичем странствовал родной брат Лусик, а его злая жена – виновница всех несчастий ждала его дома. Решили они втроем задержаться на этом постоялом дворе на несколько дней, в надежде услышать от проезжих постояльцев какие-то известия о Лусике.

И случилось так, что в это же время здесь нашла приют одна бедно одетая женщина с маленьким сыном. Рассказывали, что женщина эта много повидала в жизни, знала много разных историй и постояльцы, собираясь по вечерам, просили её рассказать о своих странствиях, чтобы скоротать время. Вот как-то царевич и говорит своему другу:

– Надо нам поговорить с этой женщиной и её ребёнком. Может быть, от них что-нибудь узнаем?

Согласился брат Лусик, а его жена, наоборот, рассердилась и стала ворчать:

– Что может знать эта нищенка? Только место зря занимает на постоялом дворе, пусть лучше убирается прочь отсюда вместе со своим сыном.

Но царевич настоял на своем, сердце подсказало ему, что он должен обязательно увидеть бедную странницу. Позвал он слугу и велел привести эту женщину.

Вошла странница в комнату, где остановился царевич, и скромно присела у стены. Рядом с ней устроился её сын. Говорит царевич незнакомке:

– Здравствуй, странница, что-то не спится нам сегодня. Может быть, ты знаешь какие-то сказки или легенды. Если хочешь, то расскажи нам одну из них, а мы с удовольствием тебя послушаем.

А незнакомка отвечает:

– Мой повелитель, много я знаю сказок и легенд, но вам хочу рассказать одну поучительную историю, которая случилась в этих краях. Если вы не против, то приготовьтесь слушать.

– Да, конечно, расскажи нам эту историю, – заинтересовался царевич.

И нищенка начала свой рассказ:

– Как я уже сказала, эта история случилась в этих краях и не очень давно. Так вот, жили были брат и сестра, жили они дружно и в достатке, пока брат не женился. Привел он в дом молодую жену, а она оказалась коварной, злой и завистливой женщиной.

Услышала жена брата Лусик эти слова, и лицо его исказилось от злости. Вскочила она с места и воскликнула:

– Ну и вздор ты несёшь! Какая-то скучная история! Давайте не будем ее слушать!

– Что это с тобой? Почему ты перебиваешь рассказ? – остановил свою жену брат Лусик. – Продолжай, свой рассказ, странница, прошу тебя.

Нищенка продолжала:

– Сестра была девушкой доброй. В селении ее любили и уважали все. А брат в ней души не чаял, и, приходя домой, каждый раз приносил сестре какой-нибудь подарок, то букет цветов, то наряд. Вот только невестка от злости и зависти не находила себе места. И однажды решила поссорить брата с сестрой навек.

– Что за небылицы ты тут нам рассказываешь? – опять перебила рассказчицу жена.

– Да что это с тобой, женушка, сегодня? Давай выслушаем эту историю до конца, – успокоил ее муж. – А ты, странница, не обращай внимания, продолжай свой рассказ.

Нищенка продолжала:

– Злая невестка была очень изобретательна в своих кознях. Однажды она перебила в доме всю посуду, рассыпала муку и во всем обвинила сестру мужа. В другой раз она увела лучшего коня подальше от дома и снова обвинила сестру, а в третий раз она вообще убила своего собственного ребенка...

– Закрой свой рот, наглая лгунья! – закричала злая жена. Это неправда, этого не было! Кто поверит в то, что мать могла убить своего собственного ребёнка?

– Опять ты перебиваешь, – возмутился её муж. – Пусть рассказывает, мне очень хочется узнать, что было дальше.

Нищенка продолжала свой рассказ:

– Состоялся суд. Невинную девушку приговорили к страшному наказанию – ей отрубили руки и изгнали из селения. Убитая горем, страдая от боли, скиталась сестра в лесу и ее едва не затравили охотничьими собаками, как дикого зверя. Но случилось чудо, изгнанницу в лесу повстречал царский сын и женился на ней. И родила ему безрукая девушка чудесного сына. Но царевич так и не смог увидеть своего наследника. Радостное известие не дошло до него. Путь гонца с известием о рождении у царевича наследника случился через дом невестки, куда он попросился на ночлег, и коварная невестка подменила письмо...

– Всё я больше не желаю этого слушать! С меня хватит! – злобно закричала жена брата.

– Друг мой, – вмешался царевич, – попроси свою жену помолчать. Давай слушать дальше – история-то очень интересная.

Странница продолжала:

– Царский сын, получив это лживое письмо, был убит горем. Ведь в нем говорилось, что его жена родила чудовище. Но он просил своих родителей заботиться о своей многострадающей жене и ее ребенке, каким бы тот ни был. Но злая невестка выкрала и это письмо и подложила вместо него другое...

Убирайся прочь, лгунья! – завопила жена не своим голосом.

– Довольно! – прикрикнули на неё оба – и муж, и царевич. – А ты, странница, продолжай, рассказывай, что же было дальше?

– Когда царевич вернулся домой, – продолжала незнакомка, – он узнал всю правду и отправился на поиски своей жены и сына. Во время этих поисков он повстречался с братом этой безрукой девушки, который разыскивал свою сестру. Они начали странствовать вместе, но так и не нашли девушку. А она, голодная, в рубище, скиталась по миру со своим золотоволосым сыном. Однажды, выбившись из сил, томимая жаждой и голодом, она подошла к двери большого придорожного постоялого двора. Здесь двое незнакомцев сжалились над ней и пригласили её к себе.

– Лусик, дорогая моя жена, ты ли это? – воскликнул царевич сквозь слезы.

– Лусик, сестрица моя... – заплакал её брат.

– Да, это я – Лусик. Добрая сестра и верная жена. А рядом со мной мой золотоволосый сын. А эта женщина – та самая – коварная и завистливая невестка.

Посмотрел брат Лусик на свою жену, изменился в лице, и тотчас прогнал ее прочь.

И стали они жить-поживать и добра наживать. Много лет прошло с тех пор, но рассказывают, что и сейчас там, где пролилась кровь невинного ребенка, пышно цветет алый шиповник. А там, где пролились горькие слёзы Лусик, появилось чистое озеро. Старые люди говорят, если посмотреть на него с высоты, то в глубине можно разглядеть спящее в колыбели дитя и нож, лежащий у подушки.

Ещё рассказывают, что есть в тех местах монастырь, в котором уже несколько веков одна женщина, стоя на коленях, просит прощенья на свои грехи.

Красавица и охотник

В давние времена в одном из селений на берегу горного озера жила красавица. Синеве небес и бирюзе горного озера был подобен цвет ее глаз, золотые косы сияли как солнце, а имя Хосровануш напоминало о древних предках, которые снискали себе добрую славу.

Едва прекрасной Хосровануш исполнилось восемнадцать лет, как из всех соседних селений стали свататься к ней удалцы, один лучше другого. Но только неприступная красавица всем давала один неизменный ответ:

– Ищите счастья в другом месте!

И вот однажды, пришел просить ее руки статный юноша по имени Гегам, он был силен как могучий бог Торк-Ангеха и слыл в округе бесстрашным охотником. Рассказывали, что однажды Гегам в одиночку и без оружия справился с целой стаей волков, напавших на отару в горах, а когда на горной тропе его встретил ловкий барс, юноша отважно вступился с ним в схватку и руками разодрал его хищную пасть. Знала красавица Хосровануш о подвигах Гегамы, и когда он стал просить ее руки, не отказала ему, но и не дала согласия.

– Знаю я, как ты силен и могуч, не хочу я давать тебе от ворот поворот, – сказала она. – Но есть у меня условие одно... Обещай, что выполнишь его!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.